

СИМВОЛИКА «СТРАННИКОВ» В ПОЗДНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

(THE SYMBOLISM OF THE "WANDERERS" IN THE
RECENT FICTION OF THE BROTHERS SRUGATSKY)

Dalia Elkounovitch

Degree awarded with distinction 13 December 1989

A Dissertation Submitted to the Faculty of Arts
University of the Witwatersrand, Johannesburg
for the Degree of Master of Arts

Johannesburg

1988

ABSTRACT

The aim of this study is to present an interpretation of the symbolism of "the Wanderers", a dominating motif in the science fiction of the Strugalsky Brothers.

Among the variety of genres in Soviet literature of the 1960s there appeared a new and unexpected specimen: *dissident science fiction*. The Brothers undoubtedly played a leading role in the development of this new variant of science fiction. Soon however it attracted the attention of the Soviet censorship. By the mid 1970s the Brothers therefore had escaped into the "literary underground", resorting to "Aesopian language", symbolic cipher and other forms of cryptogram instead of engaging in an open and unequal struggle with the censors. The Brothers clothed their anti-Marxist and anti-Leninist ideas in complex and philosophically profound imagery, resorting to codes which were not immediately accessible. Here we find the main reason why one of the most important and frequent symbolic motifs of the Brothers' texts -- the motif of "the Wanderers and their super civilization" -- still is largely misunderstood.

This study is divided into an *Introduction*, three chapters and *Conclusions*. The Introduction specifies aims and approaches, selection criteria for texts and some features of critical reception. Chapter I offers a brief survey and analysis of the main developments within Soviet science fiction; particular attention is given to the changes in the genre during the 1960s and the contribution of the Brothers to its development.

In the second and third chapters those Strugatsky works where the motif of the "Wanderers" is particularly important are analyzed in accordance with a semiotic approach, which takes due consideration to ideological and cultural context factors. Here a decoding of the symbolism of the motif is attempted and its results presented.

In the process of decoding and interpreting the relevant Strugatsky texts, it became increasingly clear that these were intertextually linked to many classical texts of Russian philosophy and literature. Due to the scope of this study, the intertextual links between the science fiction of the Strugatsky Brothers and the works of such a giant of Russian literature as Gogol must remain unexplored. In the second chapter there is however a discussion of the impact of Dostoevsky's philosophy of evil as a precondition of freedom on the work of the Brothers and, in the third chapter, the links between their work and the fantastical realism of M. Bulgakov is explored. The latter is a writer whose influence on them the Brothers have truly acknowledged.

The Conclusions summarize the findings of the present study and attempt to predict the future development of the Strugatsky Brothers in the new political climate of the USSR.

DECLARATION

I declare that this dissertation is my own, unaided work. It is being submitted for the degree of Master of Arts in the University of Witwatersrand, Johannesburg. It has not been submitted before for any degree or examination in any other University.

Mrs. Leticia Erasmus

(Name of candidate)

29 day of September, 1988

v

ACKNOWLEDGEMENTS

I wish to thank my Supervisor Professor I. Masing-Delic for all the help and encouragement she has given me.

I should like to record my gratitude to my family for their support during my work on this dissertation.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	1
Примечания к ВВЕДЕНИЮ	7
Глава I: СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА	8
1.1 Фантастика (определение жанра)	9
1.2 Несколько слов о развитии советской научной фантастики	13
1.3 Советская научная фантастика 60-х годов	23
1.4 Братья Стругацкие	33
Примечания к главе I: СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА	44
Глава 2: «МИФ О СТРАННИКАХ»	49
2.1 «Попытка к бегству»	51
2.1.1 Планета «Саула»	52
2.1.6 Социальная структура общества «Саула»	54
2.1.8 «Миф о Странниках» в повести «Попытка к бегству»	56
2.2 «Мальш»	59
2.2.2 «Миф о Странниках» в повести «Мальш»	61
2.3 «Жук в муравейнике»	66
2.3.2 «Мертвый мир»	67
2.3.5 «Хорек в курятнике»	70
2.3.8 «Миф о Странниках» в повести «Жук в муравейнике»	73
2.4 «Миф о Странниках» в повести «Воды гасят ветер»	81
2.5 «Миф о Странниках» в микромире братьев Стругацких	84
Примечания к главе 2: «МИФ О СТРАННИКАХ»	86

Глава 3: «ДЯВЬОЛНАДА» БРАТЬЕВ СТРУТАЦКИХ	93
3.1 «За миллиард лет до конца света»	95
3.2 Символика «Сверхцивилизации Странников»	108
Примечения к главе 3: «ДЯВЬОЛНАДА» БРАТЬЕВ СТРУТАЦКИХ	III
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	115
Примечания к ЗАКЛЮЧЕНИЮ	120
ВІВІОГРАФІЯ (In Russian alphabetical order)	121

ВВЕЛЕНИЕ

О советской научной фантастике сказано уже немало. В Советском Союзе о ней написаны внушительные монографии, статьи, обзоры и рецензии. Несколько работ о научной фантастике вышли и на Западе: в США, во Франции и в Западной Германии. Интерес к этому жанру, некогда считавшемуся второстепенным, не случаен: в течение полутора десятка лет, с конца 50-х до начала 70-х годов, фантастика играла в советской литературе весьма заметную роль.

Дискуссии о научной фантастике велись на страницах самых авторитетных журналов и газет, как в Советском Союзе так и на Западе. В ходе этих дискуссий возникло два лагеря, две противоположные позиции.

Одна из них наиболее широко аргументируется в самом фундаментальном исследовании о советской научной фантастике А. Бритикова "Русский советский научно-фантастический роман" /1979/, где автор утверждает, что даже тогда, когда действие научно-фантастического произведения происходит в настоящем или прошлом, "речь зачастую все равно идет об идеях, изобретениях и - главное - о людях будущего". Научная фантастика - это рассказ о том, чего еще нет, но будет и является, говорит Бритиков, "массовой формой прогнозирования".¹

Представители второго лагеря ценят научную фантастику не за ее способность прогноза о будущем, а за возможность произвольно укрепить и выделить какие-то элементы действи-

тельности, свободно пользуется наукой и фантастикой. Научно-фантастическая гипотеза, пишет Р. Нудельман в статье "Разговор в купе", "позволяет выразить такую проблему или в таком аспекте, которую нельзя поставить в реальной модели..."²

Таковы две основные позиции в споре, соответствующие двум течениям в советской научной фантастике.

К первому течению относятся творчество таких писателей, как В. Немцов, Л. Пагин, В. Саладин, Г. Альтер и многих других писателей-фантастов, которые продолжают линию фантастики 30 - 50-х годов. Они относятся к категории "ближней фантастики" / о которой будет сказано в первой главе этого исследования/.

Ко второму течению относятся произведения И. Ефремова, А. Громовой, В. Савченко, Г. Гора и братьев Стругацких. Их произведения очень разные, но связаны общей направленностью. Это - "новая фантастика", которая и по рождению и по развитию относится к литературе отпепели и противопоставит "ближней фантастике".

Одной из главных особенностей "новой" или "реалистической" /как определяю это направление в развитии Стругацкие³/ фантастики является обращение к традициям русской философской и социальной мысли, к идеям, нашедшим отклик у писателей 20-х годов. Новое направление в жанре научной фантастики связало разрозненные принципы социализма нить.

Замятин, Мандельштам, Булгаков, Платонов, Пастернак размышляли о природе прогресса и истории общества, об их законах, о праве вмешиваться в развитие общества, о взаимоотношениях культур, о месте личности в обществе и о роли

мысли и чувства. Они по-своему осваивали опыт мыслителей 19 века: Достоевского, Соловьева, Л. Толстого и Н. Федорова. Писатели оттащали, обогащенные экспериментами 20 века, возвращаются к тем же вопросам, усомнившись в ответах, навязанных официальной доктриной. Яснее всего это проявляется в эстетике научной фантастики, по приходе своей занятой проблемами общества и мироздания, ставшей за короткий период "идеальным и единственным пока орудием" позволившим подобраться к важнейшим проблемам советской действительности.⁴

Наибольший вклад в развитие "чужой" фантастики, несомненно, внесли Борис и Аркадий Стругацкие, причем в соавторстве с 1958 года. В 1959 году вышла их первая повесть "Страна багровых туч" и с тех пор братья прошли длинный творческий путь от традиционной космической научной фантастики до сложной многоплановой, социально-философской реалистической фантастики.

Немало критических статей посвящено творчеству Стругацких как на родине, так и на Западе. На Западе такие литературные критики как Л. Сувин, Л. Геллер и Жон Гонфранс посвятили большую часть своих исследований анализу творчества Стругацких.

Л. Геллер, в своей монографии "Вселенная за пределом догмы", отдал значительную ее часть творчеству Стругацких, глубоко исследовав три темы - тему вмешательства в развитие общества, тему мещанства и тему прогресса, - выдвигая "диссидентские" взгляды братьев на советскую идеологию.

Л. Сувин, в некоторых статьях, делит творчество Стругацких на 3 фазы, в соответствии с хронологическим порядком их творчества.

произведения Стругацких в свет. Отметив несомненное литературное качество творчества братьев, Сувин подчеркнул и политические аспекты произведения братьев.

Советские исследователи, такие как Гритиков, Фландис, Нудельман и другие, отметили Стругацких как писателя пирующего о "коммунистическом будущем", не имея возможности высказаться открыто о творчестве братьев, топчутся в пределах дозволенного.⁵

Критики творчества Стругацких, как в Советском Союзе, так и на Западе, склоняются ко мнению, что мифология и русская литература - основа творчества братьев, однако почти ничего не сделано в этой области. Только в 1986 году появилась книга В. Чайлова "Волшебные-сказочные корни научной фантастики", где автор анализирует фольклорные модели, по которым строится роман "Трудно быть богом" Стругацких.

В 1971 году Стругацкие предложили упразднить слово "научная" из жанрового определения "научная фантастика", и заменить его словом "реалистическая". Действительно, в произведениях Стругацких отсутствует важный элемент научно-фантастического жанра - рационализация невероятного. Фантастика братьев Стругацких стоит на прочном мифологическом и литературном фундаменте и отражает проблемы сегодняшнего дня. В этом и сходство "новой фантастики" с русской литературой, где "жизнь никогда не отделилась от творчества, а творчество от современной исторической жизни".⁶

Сложность анализа произведений Стругацких заключается в особенностях метода в котором работают братья, используя аллегории, эзопов язык, символизм образов и бесчисленные

адаптии к произведениям русских классиков, таких как Достоевские, Песков, Гоголь и Булгаков, и к произведениям некотрых символистов, таких как Сологуб и Вязем. Вследствие односторонности анализа, многие символы произведений Стругацких остались не дешифрованными. Одним из таких символов и является лейтмотив "сверхцивилизации Странников".

"Предлагаемая работа посвящена раскрытию символики лейтмотива "сверхцивилизации Странников", мотива, прошедшего мимо внимания критиков. Этот лейтмотив присутствует в произведениях разных периодов творчества братьев и эволюционирует параллельно изменениям в отношении Стругацких к советской действительности. Анализ лейтмотива "сверхцивилизации Странников" в произведениях Стругацких 60-х, 70-х и 80-х годов представляется сложной и важной задачей и поможет опровергнуть несправедливые упреки таких критиков, как Г. Свицкий и П. Беллер, которые "похоронили" Стругацких, как писателей - авангардистов не выдержавших давления властей и признавших-ся в своих "заблуждениях".

Основным методом анализа лейтмотива Странников является исторический - контекстуальный - интертекстуальный подход. Выбором для анализа те произведения Стругацких где мотив Странников занимает ключевую функцию, непасшифованность которой препятствует полному пониманию текста. Анализ проходит в следующей последовательности:

1. Определение жанра научной фантастики. Особенности развития жанра в Советском Союзе. Место, занимаемое Стругацкими в этом контексте.

2. Место действующего Странника в произведениях Стругацких, определение его роли. Раскрытие символики Странников и значения мифологизации героев произведения.

3. Определение символики "сверхцивилизации" посредством анализа литературных архаизмов некоторых образов Стругацких к образам М. Булгакова.

в "Замышлении" Абулгали: некоторые причины, побудившие Стругацких уйти в "литературное подполье" и возможные пути развития творчества братьев в новом политическом климате Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ К "ВВЕДЕНИЮ"

- ¹А. Бритиков, "Русский советский научно-фантастический роман", стр. 12, 13.
- ²Р. Вудельман, "Разговор в куле", стр. 353.
- ³А. и П. Стругацкие, "Давайте думать о будущем".
- ⁴Там же.
- ⁵А. Бритиков, "Русский советский научно-фантастический роман", стр. 335.
- ⁶А. "Трайберг, "Система свободы Достоевского", стр. 19.

Глава 1

СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Прежде чем приступить к историческому обзору научной фантастики, к определению места занимаемого ею в литературе и к анализу некоторых особенностей этого жанра, следует определить функции научной фантастики и отличия этого жанра от других методов фантастического письма, а именно: от сказки, мифа, сверхъестественной фантастики, реалистической фантастики и взаимоотношения научной фантастики с утопией и антиутопией.

Задача эта усложняется тем, что, несмотря на многочисленные попытки определения границ между этими методами, не существует еще двух одинаковых мнений четко обуславливающих функции научной фантастики.

Анализ различий между формальными определениями этого жанра такими критиками как Л. Сувин, К. Амис, Р. Шолес, П. Геллер и рядом советских критиков,¹ не вхопит в задачи данного исследования. Однако, представляется необходимым, просуммировав ряд положений более философского характера, дать некоторое представление о различиях между методами фантастического письма, для того, чтобы понять значение перехода братьев Стругацких /анализ творчества которых находится в сфере этого исследования/ от "традиционной космической научной фантастики" к фантастике "реалистической".²

1.1 Фантастика

Необходимое условие существования фантастики - это наличие "фантастической" ситуации; иными словами, в произведении, являющимся моделью некоей действительности, появляются элементы чуждые этой действительности, которую П. Сувин называет "эмпирической".³

Фантастика стара, как сама литература, она восходит к Гомеру и Апулею и, вместе со всей литературой, решает проблему Человека в его отношении к себе подобным и к обществу. Фантастическое событие бьвает разным, так как различны исходные ситуации и по-разному направляется движение, определяющее это событие.

В сказке дается модель двойственного мира, где совмещаются на одном уровне эмпирические и неэмпирические явления. Миф построен как отражение и толкование законов, управляющих миром действительности, в понимании составителей и потребителей мифов. Традиционная сверхъестественная фантастика принимает аксиому о существовании двух несовместимых миров. Ее главное событие - это вторжение иного, мистико-религиозного мира в повседневность, разрыв действительности, появление необъяснимого на месте известного и понятного. Для современной или реалистической фантастики, родоначальником которой был Гоголь, а вершиной в XX веке - Кафка, иного мира нет, а фантастический и непонятный облик приобретает сама окружающая нас действительность.

В конце XIX века, благодаря развитию современной науки и возросшему интересу широкой публики к ее возможностям,

возникла новая форма фантастических произведений - научная фантастика, создателями которой считаются Жюль Верн и Герберт Уэллс. Научная фантастика предполагает, что мир един и однороден, что все необычное в нем не принадлежит к магическому или потустороннему миру, а представляет собой еще не познанные нами, но познаваемые проявления нашей реальности. Специфика научной фантастики, ее новизна - в ее связи с современным рациональным представлением мира. Рациональное объяснение необычного в научной фантастике дает этому необычному возможность эмпирической реализации и превращает в несуществующий или еще несуществующий вариант, в альтернативу реальности.

Научная фантастика воплощается в литературе по-разному. "Чистая" научная фантастика близка к научной популяризации и довольно ограничена в своих литературных возможностях. В отличие от реалистической фантастики, где научные или квази-научные объяснения неизвестного не даются и не нужны, научная фантастика стремится к правдоподобию, используя логичность методов, теории и терминологии науки.

В 60-е годы советская научная фантастика выходит за пределы жанра и задача пропаганды науки и техники уступает место поискам нового содержания и новых литературных форм. Уменьшается значение научно-фантастического элемента /рационализация невероятного/, научно-фантастические события становятся лишь одним из приемов и научная фантастика достигает уровня большой литературы. Используются индикаторность сказки; символизм мифа; гротескность,

сатиричность, аллегоричность и эзопов язык реалистической фантастики; философские и социальные идеи русской классической литературы - авторы литератур "новой волны" изображают жизнь реальную сквозь призму нереального.

С этими методами фантастического изложения тесно соотносятся и взаимодействуют утопия и антиутопия.

Общезвестно, что функция утопии - это построение не только альтернативного /"eutopia" - место несуществующее/, но и лучшего из возможных вариантов действительности /"eutopia" - место хорошее/. Обычно теоретики соглашались в том, что утопии, заключающие в себе некоторые идеи социальных и политических наук, могут быть отнесены к жанру научной фантастики. Утопия также воспринимает концепции научной фантастики, когда речь идет не о лучшем месте, а о лучшем времени /"euchronia"/ которое наступит под влиянием исторического и социального прогресса.

Антиутопия ("dystopia - антоним к "eutopia") - это обычно модель общества противостоящего утопическому замыслу и описывает страшный, пугающий мир. Возникновение антиутопии в научно-фантастических произведениях конца XIX века приводит критиков жанра к мысли о причастности антиутопии к жанру научной фантастики. Предостерегающие и сатирические функции антиутопии используются авторами - противниками того или иного политического режима - для изображения возможных отрицательных последствий определенного режима. Эти последствия часто приводят, в антиутопических произведениях, к мировым катаклизмам.

Переплетение всех этих методов фантастического письма в советской научной фантастике 60-70х годов, несомненно, затрудняет классификацию этого жанра. Фантастическую литературу этого периода определяют как "литературная фантастика", фантастика "новой волны", "литература оттепели" или "фантастика реалистическая",⁴ не забывая, однако, добавлять к этим определениям гриф ИФ /научная фантастика/.

Прежде чем приступить к анализу многоплановых произведений братьев Стругацких, в творчестве которых отразилось все изменение жанра, рассмотрим исторические и литературные предпосылки возникновения этого феномена - советской научной фантастики "благословенных шестидесятых".⁵

1.2 Несколько слов о развитии советской научной фантастики

Аннотации

Пути развития советской научной фантастики в значительной мере тождественны развитию всей советской литературы, превратившейся в составную часть "объединенной борьбы за коммунизм".⁶

В 1921 году, в статье "Я боюсь", Е. Замятин писал, что писатель, который должен ходить на службу с портфелем, не может создавать "настоящей литературы":

"...Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики... Я боюсь, что в русской литературе одно только будущее: ее прошлое."⁷

Статьи Замятина, такие как "Лавтра /1919/, "Цель" /1920/, "Я боюсь" /1921/ и роман "Мы" /1920/ явились на следствии сверхъестественного прозрения, а результатом скрупулезного суммирования и анализирования того, что происходило вокруг него.

Начало пролетарской литературы, как известно, датируется 1918 годом /год выпуска в свет первой книги ленинградским Пролеткультом/. В основе мировоззрения пролетарских поэтов лежали идеи А. Богданова, одного из создателей российской социал-демократической партии и автора научно-фантастических романов / "Красная звезда", 1908; "Инженер Мэгни", 1913/, изображавших осуществленную коммунистическую утопию на Марсе. Богданов отвергал старую культуру, созданную на принципах индивидуализма, и разработал теорию, основанную на принципе коллективизма,

оказавшего особое влияние на "космическую" культуру - культуру нового мира.

В начале 20-х годов, наряду с жанром "социалистической утопии", создателем которого считался Богданов, важное место занимал и жанр "революционной утопии", начало которому положили сатирические романы И. Зренбурга /"Хулио Хибенито", 1921 и "Трест Д. Е.", 1923/ и научно-фантастический роман А. Толстого "Аэлита" /1922/.

Положительный герой литературного социализма нашел себе место и в научной фантастике. Его прототипом стал главный герой "Аэлиты" - человек из народа, боец, исследователь и космополходец Гусев. Он летит в космос, чтобы устроить "в них" революцию, чтобы освободить угнетенных и добыть бумагу о "приисоединении к Ресепасер планеты Марс". Революционный марксизм в романе почти полностью отсутствует, но есть выпады против Запада и антисемитские намеки.⁸ Несмотря на это, или благодаря этому, "Аэлита" получила официальное звание первого медведя советской научной фантастики.

Сравнительно по другому представляется себе подобный "контакт" Е. Замятина в антиутопическом, анти тоталитарном романе "Мн". Для него, бывшего социал-демократа, коммунист - это бездушная доктрина, чуждая уравнителька математического бая, которую Единое Государство хочет разнести по всему миру:

"И если они не поймут, что мы несем им математически - безличное счастье, нам долг заставить их быть счастливыми."⁹

Замятину "повезло" - за критику святая святых - доктрина

марксизма-ленинизма, он, в 1931 году, благодаря поддержке Максима Горького, получил разрешение на выезд из Советского Союза.¹⁰ Антиутопия "Мц", где Замятин предсказал расстройство революционного содержания послетарской утопии в фракционной форме утопии государственно-бюрократической, никогда в Советском Союзе напечатана не была.

Для литературы 20-х годов утопия была не просто одним из многих жанров. Утопизмом была проникнута вся советская литература, постоянно пишущая о "войне во имя грядущего", о борьбе нового со старым. Там где есть утопия есть и научная фантастика и в двадцатые годы этот жанр составляет постоянную доминанту всего искусства, ч. самой жизни. Вспомним детальный аппарат "Атланта, детакция города Хрутикова, "архитектонч" Малевича, "космическую живопись" И. Кудрявцева и членов Гвуплм "электроорганизм", "биомеханического" актера Чеберхолля и декорации ч. костюмы театральных постановок - все эти материализованные иллюстрации самых смелых мечтаний научной фантастики.

Можно подчеркнуть три главные темы, занимающие фантастов этой эпохи: преобразование земной природы и всей планеты, проблема бессмертия и завоевание космоса. Темы эти, несомненно, берут свое начало в системе взглядов русского философа - Николая Федорова.

"Философия общего дела" повлияла на утопии Циолковского, и, исторно в свою очередь оказали влияние на всю советскую научную фантастику, и в первую очередь на А. Зеляева. Федорова читал Гюссер, продолжавший в 20-е годы писать научно-фантастическую поэзию. От Федорова идет

вида Маяковского и возможность воскрешения и смерти. Первым последователем Федор Тют и А. Платонов. В своей монографии "Всепамяная за гробом догма" Л. Геллер пишет, что если нужно было бы найти истинного отца советской научной фантастики, то "парадоксальным образом им оказался бы христианский философ XIX века".¹¹

Платонов в своих научно-фантастических рассказах 20-х годов писал о новой власти на земле, не менее деспотичной, чем прежние монархии - власти ученых и закономерностей научного прогресса. С присущей ему остротой, Платонов ставил перед соотечественниками эволюционную проблему - проблему ответственности ученых за последствия научного прогресса.

Кончилась гражданская война, пришел НЭП, а кровавая революция задерживалась. Затухал революционный угар и советская литература встала перед проблемой, уже продуманной Замятиным, проблемой цены, которую приходится платить за утопию. Частью этой "цены" оказался отказ от человеческих чувств.

"Я хочу быть машиной", говорит новый человек, комсомолец Володя Макаров в "Зависти" /1927/ Ю. Олеши, романе, повествующем об истории "заговора чувств". Если Олеша боялся, что в организованной по плану жизни не будет места для обжигиваемых "пошлах" чувств, то М. Гулраков чувствовал совсем иную опасность. Он ставит вопрос по-другому. Что получится, если за реализацию утопии возьмутся полу-люди, дураки и чиновники? Каков смысл прогресса, идущего вопреки законам природы и истории?

В, не изданной в СССР до 1988 года, повести "Собачье сердце" /1925/, Булгаков показал, как полу-человек, соединивший в себе пошлейшие собачьи и человеческие качества, снабженный документами, изучающий левелиску Энгельса с Каутским стал полноправным членом нового общества. В "Роковых яйцах" /1925/, где Булгаков выступает против советской бюрократии, вывернута наизнанку шаблонная тема "войны с капиталистами": есть научное изобретение - лучи, во стократ увеличивающие рост всего живого / "красивый луч"/, есть и война, вызванная этим изобретением. Но война идет не с капиталистами, а с гигантскими гадами, выведенными вследствие бюрократической ошибкой советского учреждения.

Беспозадным врагом бюрократии был и А. Платонов. В рассказе "Лунная бомба" /1926/ изобретатель снаряда для полета в космос, который должен осчастливить "человечество, случайно убивает ребенка. Этот образ становится символическим у Платонова. Герои "Котлована" после смерти девочки продолжают работать, но надежда их потеряна, они не знают уже:

"...где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем... теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением?"¹²

Таковыми были два встречных движения - утопия и анти-утопия - постоянно присутствовавшие в самой советской фантастике.

Двадцатые годы пестрели также и деформированной науч-

ной фантастикой или, как их называли, автентико-фантастическими романами - сплав детектива, научной фантастики, утопии и ларолии, типа "Месс-Мэйд" М. Матинян, пользовавшимся огромным успехом.

На рубеже 20-30 годов количество фантастики пошло на убыль, а в начале 30-х годов развитие научной фантастики был положен конец. Причиной тому была новая установка партии: "поближе к жизни". Эту установку внес РАПП /Российская Ассоциация Пролетарских Писателей/, неожиданно распущенный ЦК КПСС в 1932 году, как препятствующий развитию советской литературы.

Установка "поближе к жизни" означала, что писатели должны были искать фантастические в трудовых буднях строительства социализма. Горький, например, предложил такую тему:

"Можно рассказать о превращении картофеля в каучук и о целом ряде других процессов, особенно действующих на воображение как на силу, которая способствует расширению мыслимых пределов возможного."¹³

Научная фантастика становится на службу пропаганды науки и техники, а об уходе в другие миры ей запрещено и думать.

Не осталось места и для утопии, так как мечта о лучшем будущем рождается из недовольства настоящим. Мал великий перелом, началась эра индустриализации и коллективизации, на долгие годы определившая облик страны.

В эти же годы был нанесен сокружительный удар советской науке. Классификация научных теорий на "марксистские" и "ленинские" закрыла пути для исследований в таких областях науки как генетика, кибернетика, теория ин-

формации и психология. Эти запретные знания являлись "табу" и для писателей. Фантастика призвана была расширить кругозор читателя, зачастую вчера только приобщившегося к книге.

Последим эти изменения на примере творчества крупнейшего советского фантаста - А. Беллева.

Беллев, чист по образованию, начал печататься в 1926 году и умер в 1942 году в осажденном Ленинграде. К сожалению, мало осталось людей лично знавших Беллева в ранние годы, а во время оккупации Ленинграда вместе с писателем погиб и его архив. Беллев был первым советским писателем, всецело посвятившим себя научной фантастике. Среди двухсот печатных листов - целую библиотеку романов, повестей, очерков, рассказов, киносценариев, статей и рецензий написал он за пятнадцать лет. Почти все самые популярные вещи писателя написаны до 1930 года. В таких произведениях как "Голова профессора Поуля", "Человек-амфибия" и "Властелин мира" доминирует научно-фантастическая идея, а не авантюристич. сюжет. В 20-е годы такая "чистая" фантастика была редкостью. И нет сомнений в том, что начало жанру научной фантастики в полном смысле слова положил в советской литературе именно Беллев. Однако в 1930 году в творчестве Беллева впервые наступает перепад. Новые книги Беллева рассказывают о достижениях советской науки в советской стране. Они составлены из длинных нарочито технических подробностей, из популярных лекций по географии, астрономии, биологии. Фабрик уже нет, а вместо нее дается дневник, как в "Различном координате" /1934/. Куда-то исчезли научно-фантастические

Идеи Беллеса, на отсутствие которых он до 30-х годов никогда не жаловался.

Советская научная фантастика умирает, едва родившись. Вся советская литература была подвержена операции, которую описал Замiatин в "Мы", — насильственному удалению мозгового центра фантазии.¹⁴

Важной темой в тридцатые годы была тема природы. Стихийные силы мигают построению нового мира, следовательно природу необходимо покорить. Эта борьба с природой приобретает особый метафизический смысл. От местных побед люди — покорители природы будут переходить к большим, в масштабе страны, континента, планеты и всей вселенной. Интересна в этом аспекте фраза А. Бритикова:

"При коммунизме счастье погибших в борьбе с природой останется родственником счастью тех, кто отдал жизнь социальной революции; тех и других вдохновляло сознание, что они на своих плечах поднимают человечество в небо."¹⁵

Это значит, что жертвы, принесенные в борьбе с природой так же священны, как и жертвы, принесенные во времена гражданской войны и революции.

Идея борьбы с природой, как известно, прямо противоположна философии преобразования мира у Федорова, который, а вслед за ним Платонов и Заболоцкий, мечтал о господстве человека над природой путем овладения ее секретами.

Требование "поближе к жизни" звучало и в критике послевоенных лет. Появились фантастические романы на произвольные темы. Эти романы страдали безконфликтностью, безхарактерностью и тусклым языком. Научная фантастика стала тенью произвольного жанра.

В начале 50-х годов был создан специальный термин: "фантастика ближнего горизонта" или "фантастика на грани возможного". Была даже создана специальная теория, лишавшая научную фантастику права на мысль о невозможном, на "лачужки понятий". Эту теорию наиболее полно выразил С. Чванов в большой статье "Фантастика и действительность", напечатанной в журнале "Октябрь" в 1950 году. В этой статье Иванов отделяет "никчемную западную фантастику" от советской, основанной "на предвидениях гениальных русских людей", в том числе Ломоносова, и поучает писателей изображать не какие-то дали, а ближайший завтрашний день. Этот регламент он берет из "исторических указаний тов. Сталина ... о ползавитных лесных полосах, рассчитанных на пятнадцать лет".¹⁶ Приземлению, испытываемому научной фантастикой с тридцатых годов, дано было, наконец, авторитетное обоснование.

Любое отклонение от предписания таких критиков квалифицировалось как отход к "буржуазной" фантастике и осуждалось в прессе. Г. Гуревич, к примеру, был раскритикован за повесть "Тополь стремительный" /1951/, где, в заказанных Чвановым ползавитных полосах, он заменил лысенковский дуб топодем.¹⁷

В предисловии к сборнику "Советская научная фантастика", А. Азимов делит американскую научную фантастику на три периода: приключенческий, технический и, начиная с 50-х годов, социальный.¹⁸ Л. Геллер, в монографии "Рселенна за пределом логики", показывает, что развитие советской научной фантастики шло как бы в противоположном направлении, так же различая три периода: до начала 30-х

годов, до первых послереволюционных лет и до 1956 года.

Первый период был периодом литературных экспериментов связанных с революционной утопией, с сатирой, с пародией, с антиутопией, с детективно-приключенческим "красным Пинкетоном" - со многими разновидностями литературных жанров.

Второй период Геллер определяет как производственно-приключенческий.

Третий период - период "фантастики на грани возможного", когда и сюжет, и тематика, и стиль, и герои были "рпдом из самого штампованного производственного романа".¹⁹ Революционный пафос 20-х годов целиком уступил место административно-бюрократическому восторгу и советская научная фантастика влилась в русло литературы социализма.

Жанр научной фантастики в начале 50-х годов сохранил свое название лишь по инерции. В нем не осталось ничего, что могло бы отличить его от производственных, научно-производственных или научно-популярных жанров. В период индустриализации насаждались производственные темы, в годы войны - патриотические, а в послевоенные годы главными считались темы нравственные и воспитательные. Научная фантастика, совместно с искусством социализма, оказалась зажатой между революционным прошлым и коммунистическим будущим.

1.3 Советская научная фантастика 60-х годов

Общепринятым термином "фантастика 60-х годов", критики, подчиняясь давно установившейся традиции обозначать этапы литературного пути десятилетиями, чтобы подчеркнуть внутреннюю связность определенного периода, обычно обозначает тот короткий период, продолжавшийся около пятнадцати лет /с конца 50-х до середины 70-х годов/, за который в Советском Союзе была создана "новая фантастика", реализовавшая предсказания Замiatина и Ситчяского.

Как известно, Ф. Замiatин, убежденный в необходимости использования литературой новых приемов для передачи новой реальности, считал, что "сегодняшнее искусство" должно представлять собой "синтез фантастики с бытом".²⁰ А сорок лет спустя, А. Ситчяский, в известной статье "Что такое социалистический реализм", выразил убеждение, что вывести русскую литературу из тупика соцреализма может только "гротеск вместо бытописания":

"В данном случае я возлагаю надежду на искусство фантастическое с гипотезами вместо цели и гротеском вместо бытописания."²¹

Уникальность "фантастики 60-х" заключалась в краткосрочной победе над догмой соцреализма печатающейся литературы. Иными словами, фантастические методы письма, такие как аллегории, эзопов язык и литературные аллюзии к произведениям русских классиков и символистов, использовались писателями-фантастами для недвусмысленного осуждения революции, для напоминания об ответственности прошлого перед

будущим, для открытого отвержения доминирующей роли материальных факторов в судьбах человечества, для поисков вдохновения в трудах религиозных мыслителей и для поиска альтернатив разным аксиомам официального мировоззрения.

Первым импульсом для возникновения этого "феномена", "фантастики 60-х", была обстановка "оттепели", созданная после исторического XX съезда партии и доклада Хрущева, положила начало разрыванию создававшегося десятилетиями мифа. И одним из симптомов кризиса, в котором оказался Советский Союз в 1956 году, его проявлением и поиском выхода из него была первая коммунистическая утопия - "Тучанность Андромед" И. Ефремова, изданная в начале 1957 года. Этот роман произвел революцию в уже почти не существующем в Советском Союзе жанре научной фантастики, положив конец "теории ближнего прицела", и возродил утопию, исчезнувшую из советской литературы более четверти века тому назад.

Действие романа происходит в XXX веке, когда уже состоялось объединение всех народов Земли в единое коммунистическое общество, в период небывалого расцвета культуры, науки и техники. Земля полностью переоборудована, уже изучена солнечная система и люди вышли в межзвездное пространство.

Много лет тому назад Земля включилась в гигантскую сеть радиотелевизионной связи, охватывающую десятки планет галактики, населенных разумными существами и человечество вошло в новую эру: Эру Великого Кольца. "Великое Кольцо" служит передаче информации и обмену опытом звездных

цивилизация, и, в то же время, символизирует братство всех мыслимых существ.

Сюжет романа разворачивается вокруг двух эпохальных событий: проведение опасных экспериментов, направленных на поиски нового способа передвижения в космосе - перехода в "нуль-пространство", и первое столкновение с доказательством существования межзвездной жизни вне "родной" галактики. Эти два события подготавливают и третье, самое важное в истории человечества - окончательное освобождение от оков времени и пространства.

Вокруг этих событий ведется повествование в нескольких планах: научно-техническая фантастика, космические приключения, описание коммунистического общества, взаимоотношения героев, их проблемы и мысли.

Как известно, все настоящие утопии - беспощадные критики настоящего, критический анализ общества составляет одну из формальных признаков классической утопии и, как настоящая классическая утопия, "Туманность Андромеды" в значительной степени социальная критика.

Безусловно, в 1956 году Ефремов не так откровенен как в романе "Час Быка" /1970/, продолжающем главные темы "Туманности Андромеды", но его критическое отношение к современной жизни проскальзывает в бесчисленных намеках. Возьмем, к примеру, символ насилия ефремовских произведений - "быка". В ранней повести Ефремова "На краю Ойкумена" /1952/, э сцена львяне-критской корриды, обнаженная девушка смелостью и ловкостью побеждает огромного быка. В "Туманности Андромеды" эта сцена повторяется - главный герой романа, Дар Ветер, залудившись в степи, подвергается

цивилизаций, и, в то же время, символизирует братство всех мыслящих существ.

Сюжет романа разворачивается вокруг двух эпохальных событий: проведение опасных экспериментов, направленных на поиски нового способа передвижения в космосе - перехода в "нуль-пространство", и первое столкновение с доказательством существования мыслиней жизни вне "родной" галактики. Эти два события подготавливают и третье, самое важное в истории человечества - окончательное освобождение от оков времени и пространства.

Вокруг этих событий ведется повествование в нескольких планах: научно-техническая фантастика, космические приключения, описание коммунистического общества, взаимоотношения героев, их проблемы и мысли.

Как известно, все настоящие авторы утопий - беспощадные критики настоящего, критический анализ общества составляет одни из формальных признаков классической утопии и, как настоящая классическая утопия, "Туманность Андромеды" в значительной степени социальная критика.

Безусловно, в 1956 году Ефремов не так откровенен как в романе "Час Быка" /1970/, продолжающем главные темы "Туманности Андромеды", но его критическое отношение к современной жизни проскальзывает в бесчисленных намеках. Возьмем, к примеру, символ насилия ефремовских произведений - "пчела". В ранней повести Ефремова "На краю Оркумены" /1952/, в сцене древне-критской корриды, обнаженная девушка смелостью и ловкостью побеждает огромного быка. В "Туманности Андромеды" эта сцена повторяется - главный герой романа, Дар Ветер, заблудившись в стапи, подвергается

нападению быка и игравчи побеждает его. Сравнением многих персонажей с древними героями и богами /Чара Нанди сравнивается с Афродитой, Эрт Коор и Мвен Мос обладают характеристиками "легендаччк героез"^{22/}, Ефремов создает мост между мифологическим прошлым и утопическим будущим, пропуская всякое сравнение с современниками: герои были в древности и будут в будущем, но в современном обществе, в 1970 году названным им "Часом Яька", их нет. XX век, конец "эпохи разобщенного Мира", для Ефремова олицетворение из худших преюдов в истории человечества:

"...ччк" - это сильный и энергичный, но совершенно безжалостный человек, думающий только об удовлетворении своих потребностей. Страдания, раздоры и несчастья ... всегда усугубляются именно такими людьми, провозглашающими себя в разных обликах единственно значимыми истину, считающими себя вправе подавлять все несогласные с ними мнения, искоренять иные образы мышления и жизни. Это они, "быки", не думая о нарушенных законах экономики, о будущем, жили только настоящим моментом. Войны и неорганизованное хозяйство эры Разобщенного Мира привели к раздроблению планеты."²³

В одной книге, крупный ученый, историк, получивший в 1950-м году Сталинскую премию, И. Ефремов нарушил сразу все запреты: запреты на социальную критику, на возвращение к прошлому, на взгляд на будущее, на экстраполяции в науке и на выход в космическое пространство.

"Туманность Андромеды", в 1959-м году /период спада первой оттепели/, была подвержена уничтожающей критике в "Промышленно-экономической газете", но в том же году "Литературная газета" высказалась в защиту Ефремова, заявив, что "наша страна самых дерзких научных свершений должна

иметь и самую смелую научно-фантастическую литературу".²⁴

Под содержание "Туманной Андромеды" была подведена идейная база, появилось множество похвальных рецензий и комментариев и роман Ефремова был принят в качестве образца для подражания.

Безусловно, такая утопия не могла появиться внезапно. Появление этого произведения, нарицавшего вышеуказанные официальные критерии "фантастики на грани возможного", было подготовлено такими общеизвестными литературными явлениями, как статья В. Померанцева "Об искренности в литературе" /1953/, повесть И. Зренбуога "Оттепель" /1954/ и второй сборник "Литературная Москва", включавший такие удивительные по смелости произведения, как "Рычаги" А. Яшина.

Несмотря на огромную популярность романа Ефремова, критики определяют переломную точку в развитии жанра научной фантастики только в 1959-м году, когда началась всеобщая мода на точные науки.²⁵

Советская молодежь, утратив в разгар кризиса сталинской системы названное, но успокаивавшее своей простотой и прямолинейностью видение мира, обрывается с поисками смысла жизни к точным наукам, новые области которых, так долго запретные, открываются в конце 50-х годов одна за другой. Ядерная физика, электроника, кибернетика, генетика обещали новую, на этот раз верную разгадку всех тайн мироздания. Начавшиеся дискуссии о космосе и об обитаемости других миров повлекли за собой и небывалый спрос на научную фантастику.

альная утопия.²⁹

Со дня на день ожидалось великое открытие которме, несомненно, станут делом советских ученых - ведь советские спутники первыми вышли на орбиту, - и от которых зависит судьба мира. Вера в науку и надежда на научное "чудо" доходит до предела в повестях А. Полежаева, А. Днепрова, Г. Альтова и многих других писателей-фантастов.

А. "неповоз, впереме в истории советской литературы, подробно описал сложную кибернетическую машину в рассказах "Ураган идет по островам" и "Свеча" /1969/. Первых гостей с планеты из антивересвета ожидают герои "Богатырской симфонии" /1960/ Г. Альтова. "патья Стругацкие написали рассказ "Месть спичек", где впервые упоминается о телегизме.

Написанные с азантом гепроизводителя, эти истории чаще всего примитивны в литературном аспекте - главным является изложение идеи. Такая "чистая" фантастика редко выходит за пределы короткой формы: рассказа или, значительно реже, повести. Однако, осумение значительности перемен, ожидание новой эпохи, внутренне связывающие рассказы, приводят к неудовлетворенности короткой формой и к появлению циклов рассказов и повестей, варьируя на главные темы с перманентными героями. "ак сделал, например, Г. Гуревич, включивший ранее публиковавшиеся рассказы в свою книгу о коммунизме "Мы - из Солнечной системы" /1965/. Так поступили и Аркадий и Борис Стругацкие, сыгравшие одну из главных ролей в дальнейшем развитии жанра, включив большинство своих рассказов начала 60-х годов в повесть о будущем общества "Полюсь. XXII век" /1962/.

Если "ближняя" фантастика вообще не ставила перед собой

никаких проблем, то "чистая", первых лет заново подиившейся, научная фантастика ставилась с проблемами, но не замечала их. Техническая и социальная утопия поверхностно относилась к социальным проблемам, не пытаясь на серьезную критику. "Литература киндшот мечт" оказалась тупиком, не способной к постановке действительных и серьезных проблем.

Авду тем, как известно, положение в стране менялось. После XVII съезда Партии, посвященному разоблачению сталинских преступлений, в литературе началась вторая оттепель.

В 1967-ом году, сразу же после появления первых произведений Солженицына в журнале "Новый мир", выходит первый выпуск сборника "Фантастика", где были напечатаны повести, такие как "Попытка к бегству" А. и В. Стругацких, положившая начало новому направлению в советской научной фантастике, - Фантастике "новой волны".

Начинается новый этап - развитие научной фантастики замечается социальной и философской проблематикой, противостоят "ближняя" фантастика и являющаяся по рождению и по развитию своему - литературной оттепелью.

Реабилитация науки, отказ авторитетов /особенно запоздалое падение Лисинко/, новые научные дисциплины, требование объективного, а не мнимого технического развития - все это лишило Царьков науки уверенности в себе, лишило их возможности строить научные теории по своему усмотрению. Из-за усложнения биологического аппарата науки невозможно было определить научна или нет новая теория изложенная в литературной форме. И манура, запутавшись в "эффектах оплыва", "искупленных пространствах" и в других малоизвестных понятиях, стала глядеть сквозь пальцы на то, что

происходит в научной фантастике, все еще считающейся литературой для детей и подростков.

Этим пренебрежением жанром научной фантастики цензура и воспользовались фантасты 60-х годов.

Писатели скоро обнаружили, что в форма поэтической и рационалистической "сказки машинного времени", в "сказочности" допущенной в жанр научной фантастики, кроются богатые возможности для мифологии "инакомыслия" по отношению к политической, идеологической и социальной ситуации в современном мире. Эта специфическая функция научной фантастики открыла новые пути и возможности фантастам следующим истинным традициям жанра. Позволила, методами киноповествования, аллегорий и литературных аллюзий, изобразить реальную жизнь сквозь призму не реального. Одновременно функция "сказки машинного времени" дала свободу от навязанных соцреализмом форм литературного изложения. "Современная сказка" стала лабораторией вольной мысли. Такие социальные сатиры как "Сказка о Тройке" и "Улитка на склоне" Стругацких, "Когда погасло солнце" Захнова, социально-философские произведения Ефремова, Гопа, Варшавского и многие другие произведения "благословенных шестидесятых" никогда не были бы напечатаны в Советском Союзе не будь на них грифа № /научная фантастика/.

Гретья Стругацкие, пришедшие в научную фантастику в период ее возрождения, несомненно, являются "лучшими фантастами нашего времени", педу которых принадлежат одни из самых острых социальных сатирических произведений XX века.³⁷ Анализ многоплановых произведений Стругацких, в частности тех, которые отразились ясно изменения жанра, и рас-

шифровка одного из важных символов их произведения -
- "сверхцивилизации Странников" - поможет определить
часть вопросов, занимавших Алясторов 60-х годов, методы
изложения их мировоззрения в литературе и пути, избран-
ные Стругацкими для выражения "инакомыслия" в 70-е и
80-е годы, когда кончился период "благословенных шести-
десяти".

1.4 Третья Стругацкие

Аркадия и Борис Стругацкие, один из немногих последователей школы Ефремова, дебютировали в 1958-ом году научно-фантастическим рассказом "Спонтанный рефлекс".

Аркадия Натанович Стругацкий /28.8.1925/ - в прошлом офицер Советской Армии, по специальности референт - переводчик с японского языка и востоковед. Работал в Институте "Технической информации", а с конца 50-х годов работает в редакции научно-художественной литературы "Детгиза" в Москве.

Борис Натанович Стругацкий /15.4.1933./ - по специальности астроном и математик. Работает научным сотрудником Пулковской обсерватории около Ленинграда.

Творчество Стругацких, по форме изложения и по отношению автора к различным проблемам реальности, можно разделить на четыре фазы.

К первой фазе относятся произведения написанные за период с 1958 по 1962 год, куда включен первый цикл Стругацких, состоящий из трех повестей - "Страна багровых туч" /1958/, "Путь на Альматы" /1959/ и "Стажеры" /1961/- связанные общими героями. Эти повести, как и некоторые рассказы того же периода, написаны в манере традиционной или "чистой" космической фантастики и характеризуются как "история будущего" в стиле Жюль Верна или более современных американских фантастов как Азимов или Хейнлайн. Ефремовские "монументальные", оптимистичные лидеры и их значительные подвиги заменены у Стругацких молодыми исследователями и

научными работниками, находивших романтику в буднях космической жизни. Сохраняя утопический смысл абсолютно этических характеристик энтузиазма и личной чести, эти герои, даже в самых панических произведениях братьев, - всецело, густыми, усталые и капризные - намного более живы, чем герои автооов, хранящих верность теории "клинического прицела". Такие характерные черты творчества братьев первой фазы, как реалистичные герои, яркие и разнообразные описания окружающей среды и приключенческое содержание, где главным образом ставились задачи этического и морального выбора /как, например, мысль о том, что новые научные открытия не приведут к разрешению моральных и социальных проблем, высказанная героем повести "Стажером"/ привели к тому, что Стругацкие, после первых вымышленных произведений, стали в ряд ведущих советских фантастов.

В начале 60-х годов, в последних произведениях первой фазы - в повести "Стажер" и в некоторых рассказах этого периода /"О странствующих и путешественниках", "Загадка задней ноги" и "Свидание"/, позже вошедших в сборник под названием "Возвращение. Полдень, XXI век" - рамки "чистой" научной фантастики или "литературы иглытой мечты" становятся тесными для Стругацких. Их больше не удовлетворяет техническая и социальная утопия. Их больше интересуют "поступки людей, их моральные критерии, и: оценка".³¹ На горизонте все еще утопического будущего этих произведений появляются первые элементы сомнения и пессимизма, как, к примеру, в рассказе "Загадка задней ноги", где рассматривается вопрос существования свободной воли:

"А как же насчет свободы воли? - Вот мы и хотим выяснить насчет этой самой свободы воли, может ее вовсе нет."¹²

К 1967-ому году относится переход Стругацких от хоровой приключенческой научной фантастики для юношества к более обширной форме повести, где значение научно-фантастического элемента /рационализация невероятного/ постепенно уменьшается и становится лишь одним из литературных приемов, а приключенческая фабула базируется на спеле исторического времени со своими загадками, борьба и потенциальным регрессом и где братья провозят свои социально-философские изыскания. И во второй фазе творчества Стругацких, к которой относятся произведения напечатанные с 1962 по 1965 год, исследование более сложного и болезненного мира сосредотачивается на "хищных веках века" /взгляды одной из почестей второй фазы/, используя для этого конфликт между утопической невинностью и опытом XX века.

К произведениям второй фазы относятся "Попытка к бегству" /1962/, "Далекая Радуга" /1962/, "Трудно быть богом" /1963/ и "Хищные века века" /1965/, которые примыкают к циклу произведения первой фазы некоторыми героями и временем.

В первых двух произведениях, где проявляются первые попытки исторического анализа тоталитарной системы, проводится одна из главных тем произведений Стругацких - вмешательство в исторический ход событий общества. Используя многочисленные литературные аллюзии к произведениям русских классиков, в частности к анти-социалистическим идеям Достоевского, Стругацкие становятся на скользкий путь "инако-

мения" по отношению к идеологии социалистического государства. Отрицая для себя власть диктатора в "Попытке к бегству" и власть небольшой группы "сеняк монахов" в "Трудно быть Богом" над народом, то есть любое отсутствие демократии, Стругацкие в "Химиче века", как и в предшествующих произведениях этого периода, обвиняют народ, равнодушие и инертность которого создает благоприятную почву для такого "вмешательства":

"По каким же по-вашему нужно спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаетесь допов, фашиствующих даматов, дураков опиров? Почему вы не желаете угнать мозг?"³³

По причинам указанным выше цензура пропустила эти произведения, из которых "Трудно быть Богом" было самым популярным произведением середины 60-х годов.³⁴

Середина 60-х годов /1964 и 1965 год/ была самым благоприятным периодом для Стругацких. О них много и благожелательно писали, произведения их издавались и переводились, как в Советском Союзе так и за рубежом. 1966 год стал поворотным пунктом для Стругацких - появилась, в сборнике "Аллинский секрет", первая часть повести "Улитка на склоне" - "Пес". С 1966 по 1968 год произведения Стругацких не печатались, а в 1967-ом году вышла статья Сапарина в журнале "Коммунист" /обычно не печатающий литературные статьи и рецензии/, "Будущее человечества через призму фантастики", где Сапарин писал, что создать общество, где все классы разделяют потребительскую идеологию, как в "Химиче века", означает забыть марксистско-ленинскую философию.

С 1965-го года начинается третья фаза творчества Стругацких.

Если в произведениях первой фазы конфликты, в основном, вращались между "холодным и малпучшим", между абсолютной и принятой этикой, а в произведениях второй фазы конфликты происходят между утопической невинностью и опытом XX века, то в третьей фазе, увеличив дистанцию между утопией и реальностью, Стругацкие перешли к острой социальной критике порядка в стране, претендующей на превращение "сказки в быль", выбирая для этого и блестяще используя сказочно-аллегорическую форму письма. Первым опытом использования этой формы явилась повесть "Понедельник начинается в субботу" /1965/ - комбинация атмосферы народной сказки, современной науки и социальной сатиры, где, такие сказочные персонажи как, мелочная Фаба-ча, склеротичный Горюпаший Кот, ограниченная Шуга, исполняющая три желания, сопоставлены научному шарлатанству и бюрократической силе.

"Продолжением повести "Понедельник начинается в субботу" явилась "Сказка о Тройке" /1967/, где Стругацкие использовали гоголевский символ России - Тройку, безудержно стремящуюся к какой-то неизбежной судьбе, в сочетании с бюрократской Тройкой, угрожающей стереть интеллигенцию с лица земли.³⁵ "Сказка о Тройке", представляющая собой острую сатиру на научно-административную бюрократию, была, сразу после выхода ее в свет в журнале "Ангара", запрещена.³⁶

В повести "Рубное наследство марсиан" /1967/, написанной в стиле Свифта, марсиане покоряют Землю не сверх-орудиями как в "Войне миров" Уэллса, где произошло первое завоевание марсиан, а голкипом, ложной информацией и упрямиз-

мом. В этой социально-политической сатире Стругацкие проводят социологический эксперимент: каковой будет реакция общества на радикальное изменение политической и идеологической власти. Ситуация дана абсолютно критическая: новая власть /марсианская/ чужда полям, чужда не только в моральном, политическом и культурном смысле, но и генетически. Результат опыта мало удивителен: все слои общества - горожане, крестьяне и интеллигенция - без особого сопротивления смирились с чужой властью.

В 1968-ом году Стругацкими были написаны две повести: "Обитаемый остров" /первая часть трилогии Краммера/ и "Гадкие лебеди" /никогда в Советском Союзе не изданная/. В "Обитаемом острове" Стругацкими опять затронута тема "амнательства" - имитация американского "супермена" Максима Краммера в обществе, находящаяся под "психологическим" контролем диктатуры. Опять Стругацкие рисуют картину страны "лудаков" /так называется город в "Хищных землях века"/, где никто не может и не желает мыслить, где существует система террора с концлагерями и бюрократией, с той лишь разницей, что Максиму, в попытке его "борьбы" против диктаторов удается уничтожить "Центр" психологического излучения. Результаты такого действия опять малоудивительны: людям, которые "всегда знали, что к чему, все было просто, все было вместе, и хотелось было быть таким, как все" - плохо. "Цель непонятна, и средства непонятны, и нужно обо всем думать самому, решать самому, все самому."³⁷

В фантастической повести "Гадкие лебеди", написанной по мотивам сказки "Тамельнский кирселов", дети отгадыва-

ются от будущего предсказанного "джапропоками" - для них это "морщины" - и уходит.¹⁸

"Не хотят они власти пьяницами и развратниками, мекими людичками, пабями, киффомистами, не хотят, чтобы из них сделали преступников, не хотят своих семей и своего государства."³⁹

Так объясняют укол лелей "чиркецы" - вообще-то, но очень учине пилк /или пощельны или, по некоторым интерпретациям, евреи/, котопне умирает не от отсутствия пищи, а от отсутствия книг.

Центральное место среди произведений третьей фазы принадлежит "Улитке на склоне" /1966/ - одной из самых острых сатирич. и, в то же время, одному из наиболее мистических произведений XX века - где Стругацкие выразили свой глубокий пессимизм по отношению к судьбе России.⁴⁰

Над образом, в края волшебного и таинственного Леса, стоит Управление - концентрат чиновничьей тупости и бездарности. Если Лес - это символ непознанного Грядущего, то Управление и его служащие - образ близорукого, железного и ненавистнического подхода к противоречиям жизни.

В "Улитке на склоне" сочетаются два самостоятельных сюжета, которые объединены фоном и местом действия - странным и страшным Лесом. Мир Леса - это мир, где утеряны все критерии добра и зла; где отсутствуют даже проблески мысли, разума; где никому уже не нужны "мужики" заменяются "мертвяками" - голговерскими "мертвыми душами" или солдуборскими мертвяками из "Нарых чар", символизирующих ужас затопленной мертвечиной господствующего в Лесу. Этим миром "за-

кочервости", - которая не бывает ни хорошей, ни плохой, она просто есть, - праяет "амазонки" - раса бесполой женщины, которая играет роль бога, властник над всей лесной жизнью и п. жерно уничтожая людей-лесовиков. На борьбу с "мертвяками" автор посылает Кандида /име главного героя первой части повести - Тер⁴¹/, вооружив его "скальпелом", идеалиста - против Закономерности овладевшей Лесом, этим тоталиитарным с... ом России. Читателя Леса грозит гибель, но они не понимают о какой гибели говорит Кандид:

"Идея навигирующей гибели просто не умещалась в их головах. Гибель надвигалась слишком медленно и начала надвигаться слишком далеко."⁴²

Мир "Улитки на склоне" многогранен и многозначен, в нем сочетаются разные стили - гротеск сочетается с антиутопией, пародия с проецированием фантазий подсознания, с жюзе измучения с философскими рассуждениями. Самое страшное в этой полести - это наступление мертвечины, атака мертвых предметов и мертвых кукол на все живое.

Только подсознания, инстинкты и ощущения еще противятся Закономерности, все остальное уже сдалось:

"Никакой свободы нет, закрыты перед тобой двери или открыты /.../ все глупость и хаос, и есть только одно одиночество."⁴³

Советские критики избегают комментариев об "Улитке на склоне" и "Сказке о Тройке". Упоминают об этих произведениях лишь в качестве примера ошибочной, порочной литературы.⁴⁴

В произведениях третьей фазы творчества Стругацких советскую цензуру не устраивало не только содержание, но и структура, которая отбрасывает действительскую конвенцию письма, как, к примеру, в "Улитке на склоне", была прямо противо-

подтверждена структура социализма. Однако, в 1969 году, Стругацкие, все еще пользуясь поддержкой влиятельных кругов, были приняты в Союз писателей, несмотря на значительное сопротивление со стороны "консерваторов". Более того, за отрицательный рецензия на "Ртовое инаместие марской" был уволен журналист И. Краснобрюхий.⁴⁵

В начале 70-х годов положение Стругацких ухудшилось, когда их рассказы и повести подверглись жесткой цензурой, из "самиздата" выгнали в "тамбур" И. как пишет Л. Геллер, "писатели и редакторы начали давить, отворачивая от своих заблуждений" и "вытесняя прозаично".⁴⁶

С 1973-го года начинается четвертая фаза творчества Стругацких, где идет острая и неравная борьба с советской цензурой. Будучи вынужден в "литературное подполье", используя эзоповский язык, символический шифр, литературные аллюзии к произведениям классиков и символистов и разные формы кинескографии для выражения "диссидентских" взглядов на советское действительность.

Сложность "рассказаний" фантастики Стругацких возрастает, как и, соответственно, сложность расшифровки символических образов братьев, так как "подтекст" их произведений "...одится теперь "в двух метрах под текстом".⁴⁷

Вследствие равнозначного трудно согласиться с утверждением некоторых критиков, что в том, что Стругацкие пишут начиная с 1973 года "как на ладони видно отступление к манере письма их первого периода и к традиционно-нейтральной научно-фантастической проблематике /например: удастся ли людям установить контакт с инопланетянами?/.⁴⁸

Это заключение сделано, по-видимому, в свете действительно то возвращении Стругацких к героям и образам цикла произведений, охватывающих почти две фазы творчества братьев. Однако, отличие ранних произведений от характера повествования, конфликтов, символики, философских вопросов, занимающих Стругацких в произведениях 70-х годов - огромно. К примеру, полностью исчезает конфликт между утопической невинностью и опытом XX века, так как отсутствуют утопические образы и обстановки. Конфликты возникают теперь между вполне реальными персонажами и "дыкчольской" властью, которая всегда побеждает, оставляя героев в состоянии "чесного страха" и безысходности.

Для анализа этого конфликта я предлагаю в этой работе совершенно новую, основанную на незамеченных ранее факторах, интерпретацию символики "сверхцивилизации Странников" - лейтмотива главных произведений четвертой фазы творчества братьев Стругацких.

Мотив княземной "сверхцивилизации Странников" появился в произведениях Стругацких в 1962-ом году, в пьесой "оттепели" создавшейся после XXII съезда Партии, посвященному разоблачению сталинских преступлений. Это был период разоблачения мифов, создававшихся десятилетиями. Период, когда на обломках этих "лжемифов" создавались новые мифы, когда преступления совершенных "во имя светлого будущего" "мудрая и всемогущая" Коммунистическая Партия обвинила тирана. Это было время литературных полусвобод, когда впервые были напечатаны произведения Солженицына, когда появились литературные свидетельства о преступлениях совершавшихся в сталинских лагерях - в ПУЛАГА.

Принимая во внимание способность русской литературы чутко откликаться на политические изменения, я предлагаю одну из возможных интерпретаций "лейтмотива Странников": определить Стругацких, в данном аспекте, как мифосоздателей, создавших "Миф о Странниках" как пародию на советские официальные мифы.

К мысли об интерпретации "лейтмотива Странников" как "Миф о Странниках" приводит не только политическая обстановка, благоприятствующая мифосоздательству, но и характерная черта творчества Стругацких - объединение произведений в большие циклы романтическими героями, временем и пространством, - создающая "гипотетическую правдоподобность" микромира братьев. В этом микромире Вселенная, благодаря отсутствию важного элемента жанра научной фантастики - рационализации невероятного, - воспринимается как художественная система символов, где происходит то, "что особенно задевало, что мешало жить и помогало жить, то, что и было настоящей жизнью" Стругацких.⁴⁹ Символическая система, где переплелись прошлое, настоящее и будущее России.

Принимая во внимание способность русской литературы чутко стилизоваться на политические изменения, я предлагаю одну из возможных интерпретаций "лейтмотива Странников": определить Стругацких, в данном аспекте, как мифосоздателей, создавших "Миф о Странниках" как пародию на советские официальные мифы.

К мысли об интерпретации "лейтмотива Странников" как "Миф о Странниках" приводит не только политическая обстановка, благоприятствующая мифосоздательству, но и характерная черта творчества Стругацких - объединение произведений в большие циклы романческими героями, временем и пространством, - создавая "гипотетическую правдоподобность" микромира братьев. В этом микромире Вселенная, благодаря отсутствию важного элемента жанра научной фантастики - рационализации невероятного, - воспринимается как художественная система символов, где происходит то, "что особенно задевало, что мешало жить и помогало жить, то, что и было настоящей жизнью" Стругацких.⁴⁹ Символическая система, где переплелись прошлое, настоящее и будущее России.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1 - "СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА"

- ¹ Речь идет о работах советских и западных критиков, где даны различные определения научно-фантастического жанра: R. Scholes, "Structural Fabulation", p. 102; K. Amis, "New Maps of Hell", p. 18; D. Suvin, "On the poetics of the Science Fiction", p. 375; Л. Геллер, "Военная за пределом догмы", стр. 10; А. Бритиков, "Русский советский научно-фантастический роман", стр. 10 - 19; Г. Гуревич, "Карта страны фантазий", стр. 33.
- ² А. и К. Стругацкие, "Давайте думать о будущем".
- ³ D. Suvin, "On the poetics of the Science Fiction", p. 375.
- ⁴ Определение научной фантастики 60-х годов как "литературная фантастика" принадлежит Майе Каганской /статья "Роковые яйца"/; определения "литература оттепели" и фантастика "новой волн" - Л. Геллеру /монография "Военная за пределом догмы"/; "реалистическая фантастика" - братьям Стругацким /статья "Давайте думать о будущем"/.
- ⁵ А. и К. Стругацкие, "Волны гасят ветер", стр. 169.
- ⁶ Н. Крушев, "За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа", *Коммунист*, №12, 1957 /Лето по А. Сивяскому, "Что такое социалистический реализм", стр. 412/.
- ⁷ Е. Замiatин, "Я боюсь", 1921 /Панно по Ю. Анненкову, "Евгений Замiatин", стр. 76/.
- ⁸ Об антисемитских намеках А. Толстого в главах "Азлиты", где повествуется об истории Марса, пишет Э. Вар-Селла в статье "Гуси-лебеди", стр. 167.
- ⁹ Е. Замiatин, "Мы", стр. 5.
- ¹⁰ Об истории выезда Замiatина из Советского Союза в 1931 году пишет Ю. Анненков, в статье "Евгений Замiatин", стр. 76, 77, 82.

- ¹¹ Л. Геллер, "Вселенная за пределом догмы", стр. 64.
- ¹² А. Платонов, "Хотлован", стр. 283.
- ¹³ М. Горький, "О темах", Собрание сочинений в 30-и томах, т. 27, стр. 104.
- ¹⁴ Подобной операции, "фукуамизации" - растормаживающей гипоталамус - подвергается население в повести Стругацких "Волны гасят ветер" /стр. 45 - 60/. Это "беззащитно-рыцарское вхождение в естественное состояние человеческого организма" калечит и искажает ментально-эмоциональный код человека и стимулирует его экспансионистские потенции.
- ¹⁵ А. Яриков, "Русский советский научно-фантастический роман", стр. 17А.
- ¹⁶ С. Иванов, "Фантастика и действительность", Октябрь, 1950, №1, стр. 155
- ¹⁷ Об этом свидетельствует Л. Геллер в монографии "Вселенная за пределом догмы", стр. 82.
- ¹⁸ I. Asimov, "Introduction" to Soviet Science Fiction, pp. 10-11.
- ¹⁹ Л. Геллер, "Вселенная за пределом догмы", стр. 83.
- ²⁰ С. Замiatин, "Лица", издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, стр. 217 /Ланс по М. Геллер, "Андрей Платонов в поисках счастья", стр. 113/.
- ²¹ А. Синявский, "Что такое социалистический реализм", стр. 44F.
- ²² И. Бореков, "Туманность Андромеды", стр. 121, 123, 17, 160.
- ²³ Там же стр. 227.
- ²⁴ "Литератор, где же верблюд?", Литературная газета, 2 июля, 1959.

- 25 В 1958 году было создано Всесоюзное общество по научно-фантастической и приключенческой литературе, где выступали, в основном, "адаптированные" фантасты - Ремцов, Томки, Гребнев. "Зеленая улица" фантастике как будто дана, но еще не ясно было, дана ли свобода фантазии. Книжки 1958-1959 гг. еще недалеко ушли от "границы возможного".
- 26 Эта статистика дана по А. Фридриху, "Русский советский научно-фантастический роман", стр. 268.
- 27 Р. Ремцов, "Последний полустанок", стр. 21.
- 28 К примеру, Ч. Овсико пересказал содержание "Аэлиты" Толстого в видеопламе "На оранжевой планете" /1959/, а К. Волков перенес этот же сюжет на Марс - "Марс пробуждается" /1961/.
- 29 Определение "литература комикатов" - это из названий статей о научной фантастике, таких как "Мечта должна быть комикатов" И. Еремеева /1961/, "Право на комикатов мечту" П. Дмитриевского /1958/, "Литература комикатов мечты" А. Казанцева /1958/, и многих других статей.
- 30 В. Хазак, "Формы рассказов в современной русской литературе", стр. 130.
- 31 А. и В. Стругацкие, "Начните думать о будущем".
- 32 - - - - - "Возвращение. Полдень XXI век", стр. 181.
- 33 - - - - - "Хищные вещи века", стр. 103, 156.
- 34 В 1967 году журнал "Фантастика" провел опрос читателей на самое популярное научно-фантастическое произведение. Из десяти первых мест, на первом месте был роман "Трудно быть богом", на втором - "Понедельник начинается в субботу", на третьем - "Далекая радуга", на десятом - "Хищные вещи века" Стругацких.

³⁵ Как по James Forsyth, Listening to the Wind, p. 74.

³⁶ в "Сказке о Тройке" Стругацкими использованы два типа Тройки: 1. Комиссия, состоящая из трех человек /традиционный состав чеховских комиссий по политическому контролю в Советском Союзе/ - "Тройка", - взвизгивала власть в "Стране Необъясненных Явлений" - в Советском Союзе и развечно распорядиться этой властью она не в силах /анализ этого типа "Тройки" был сделан мной в работе "Русско-советская научная фантастика и братья Стругацкие" в 1985 г./.

2. Гоголевский символ России - гонимая "Тройка", безудержно стремящаяся к какой-то неизбежной судьбе, - приобретает новый смысл: заменив коней бюрократии Стругацкие определяют современный гротескный символ Советского Союза - бюрократическую "Тройку". Эта современная "Тройка", обладая огромной бюрократической силой - "Кольцо Круглой Печатью" - тормозит всякое проявление свободной мысли. Глеба того, угроза флюксорской "Тройки" стереть интеллигенцию с лица земли, превращается в реальность: "Бюрократическая Тройка", осуществляя контроль над наукой, техникой и произведениями искусства и литературы, с которых имеет весьма стдаленное понятие, старательно и бездумно уничтожает интеллигенцию.

³⁷ А. и Е. Стругацкие, "Обитаемый Остров", стр. 209 - 210.
Страна "дубаков" Стругацких, несомненно, ассоциируется и с городом "Дупошчи" Салтыкова-Щедрина.

³⁸ А. и Е. Стругацкие, "Галки лебеди", стр. 27, 85.

³⁹ Там же, стр. 195.

⁴⁰ Первая часть - "Пес" - вышла в обложке Элизиумский секрет /1966/, а вторая часть - "Улицка на склоне" - появилась только через два года, в журнале "Чаякал".

⁴¹ Имя главного героя заимствовано Стругацкими из философской сатиры "ольтера на рационалистическую философию Лейбница - "Ханлид" /1759/, для того, чтобы подчеркнуть наивность идеалиста борющегося со "скальпелем" против Закономерности.

42 А. и Б. Стругацкие, "Лес", стр. 77.

43 Там же, стр. 79.

44 А. Грентков, к примеру, пишет, что "в "прогрессе" амазонок можно усмотреть и феминизм, и маоистскую "культурную революцию", и рожиловский деревенский город, и что угодно - и в то же время ничего". /"Русский советский научно-фантастический роман", стр. 357/

45 Эти сведения из биографии Стругацких дает Джон Глен в статье "Возрождение антиутопии", напечатанной в Новом журнале. Там же П. Глен пишет об увольнении И. Краснобрючего за статью "Двуязычная книга", которая появилась в Учредительнике за 1969 год, №3, стр. 56 - 57.

46 П. Геллер, "Селенная за пределом догмы", стр. 380.

47 А. и Б. Стругацкие, "Хромая судьба", стр. 17.

48 П. Геллер, "Селенная за пределом догмы", стр. 380.

49 А. и Б. Стругацкие, "Навсегда думать о будущем", Литературная газета, №6, 1970.

Глава 3

"Миф о Странниках"

Публикация о существовании "преахмивилизации Странников" в микромире Стругацких впервые появилась в сборнике рассказов объединенных под названием "Разъединение. Полдень, XXI век" в 1962-ом году. В этом году был ранее отмечен переход Стругацких от фантастики "книжной мечты" к фантастике "ночной волны" - от социальной и технической утопии к фантастике, занимающейся социально-философской проблематикой действительности.

В "Разъединении" продолжается одиссея героев первого цикла /к примеру, Горбюнского и Рыкова/ и введены новые персонажи /такие как Кочев, Сидоров - Атог, Валькенштейн и другие/, которые, впоследствии, появляются и в произведениях четвертой фазы. В этот сборник, исключительно педагогичные в характеристиках своих образов, Стругацкие, во избежание недоразумений, вводят два образа Странников - земного традиционного и космических неизвестных.

В рассказе "Помещение духа" Стругацкие придумают образ традиционного земного Странника Болди - добродушного романтика, поэта, роменляющего четкие специальности в точности десяти лет и странствующего в поисках Истины. Прототипом этого, несколько модернизированного Странника, может служить русский странник - Иван Флягин, из "Очарованного странника" М. Пескова.¹

Серьезное столкновение со следами космических Странников

происходит в рассказе "Бесланники", где герои микромира Стругацких сталкиваются с "искусственником" некоего происхождения спутником планеты "Ладислага".² Не обладая достаточным количеством информации, герои рассказа создают гипотезы о древней межгалактичной сверхцивилизации Странников, некогда процветавшей в нашей галактике и бесследно исчезнувшей. Эта гипотеза, провозглашаемая такими постоянными и авторитетными экспертами в космологии микромира Стругацких, как Горбовский, Гадов и Комов, воспринимается другими персонажами как "объективная правда". Так возникает "Миф о Странниках".

Противопоставляя традиционного земного Странника гипотетическим космическим Странникам, созданным, как будто бы в воображении героев микромира, а не авторами, Стругацкие избирают, насколько необычную для советского читателя, нейтральную позицию по отношению к этой "сверхцивилизации". Такой отказ авторов от преимущественно знать больше читателя, привыкшего к безусловной авторской точке зрения, освобождает советского читателя от авторского вмешательства, дает пищу для воображения и тем самым противоречит законам социалистического сюжета. Избрав нейтральную позицию, Стругацкие предоставляют героям определить сущность "Неизвестного", а читателю - символику Странников.

Обратимся теперь к анализу образования и существования "Мифа о Странниках" в произведениях, где "эманателство" Странников являет на хол истории цивилизации, таких как "Полетка к багрову", "Мамыч", "Хук в муравейнике" и "Волны галст ветер".

2.1 "Попытка к бегству"

О переходе Стругацких от технической и социальной утопии /фантастики "кюветной мяты"/ к более сложной, занимающей социально-философскую проблематику, фантастике "иной воли" в 1962-ом году уже несколько раз упоминалось выше. Причины, побудившие их к изменениям и расширению границ жанра научной фантастики, даны в первой части повести "Попытка к бегству" /1962/, воспринимаемой как пролог.

В этом прологе двое молодых ребят Радим и Антон, прототипами которых служат сами авторы, собираются в очередное туристическое путешествие на планету-курорт Пандора. Радим, как и Лекадий Стругацкий - лингвист и знаток японского языка, а Антон - астроном, как и Борис Стругацкий.

Если бы повесть развивалась по заранее разработанному плану ребят, то, наверное, мы опять читали бы об обжитых планетах, электрифицированных джунглях, автоматах с газировкой в пустыне - в духе коммунистической утопии социализма. Но наступил момент, о котором фантасты говорят в статье "Давайте думать о будущем":

"И вот, когда уже написаны несколько страниц первого черновика, уже вроде бы пошло дело, вдруг выясняется, что нам скучно. Именно в этот момент отчаяния и бессонницы, вероятно, и начинается настоящая работа."³

Стругацким, как и героям повести, стало скучно и повесть уходит к протопенной, советской фантастике, дорожки.

К поискам новых литературных приемов Стругацких привела не только "скука" творчества по плану. В повести

происходит очень важная встреча прототипов Стругацких /Антон и Вадим/ со "знатком истории XX века" - Саулом Репниным, прототипом которого может служить один из реабилитированных Хрущевым, политических заключенных, вернувшийся на "материку".

В результате этой символической встречи Надим и Антон, подчиняясь странному желанию Саула попасть на планету, "где не ступала еще человеческая нога", где можно дышать, еще не оскверненным человеком, воздухом, отказываются от отдыха и развлечения на модном курорте и летят на неизвестную планету.⁴ Так и Стругацкие, вероятно, после встречи с бывшим жителем Архипелага ГУЛАГ, отказываются от модной утопии легкой научной фантастики и, первыми из советских фантастов, переходят к реалистической фантастике, к социальным философским исследованиям социалистического общества.⁵

Попыткой на неизвестную планету, названную Антоном и Вадимом Саулой, и начинается повесть "Попытка к бегству", где в совместовании концентрационных лагерей обвиняются Странники.

2.1.a Планета "Саула"

Несмотря на ожидания путешественников, планета Саула оказалась населенной. Первая же встреча с местной цивилизацией вызывает в них чувство ужаса и недоумения: они наталкиваются на рвы, заполненные трупами замерзших, голых людей. В процессе развития сюжетной линии повести читатель узнает "объективную правду" о вмешательстве Стран-

ников в ход истории на Сауде, рассказанную одним из "власть имущих" - надсмотрщиком.

На этой планете, в незапамятные времена, побывали Странники и оставили машин неизвестного предназначения, которые исползая «одной огромной воронки в земле, непрерывным потоком пересекая большое расстояние, скрываются в сизом дыму другой такой же воронки.

В давние времена посещение Странников обросло различными легендами и эти непонятные машины обожествлялись. Но одному из предшлудших владык пришло в голову попытаться устройство машин и "приручить" их. На пути машин были построены лагерь и овладение "секретом" машин было поручено заключенным. Заключенные, тыканьем пальцев в разные отверстия, пытаются овладеть секретом этих машин, так как сумевший приоткрыть завесу тайны получает свободу. Реакции машин невозможно поединить и, никем не управляемые, они оставляют на своем пути искалеченные трупы. Но это никого не волнует, ведь поток машин и заключенных бесконечен, вечен.

Тысячи голых, изможденных людей работают под неусыпным оком нескольких толстых, сытых и вооруженных копьями надсмотрщиков. Они не столько работают, сколько подвергаются массовому уничтожению. Результат высоко-технологической цивилизации Странников превратился в орудие уничтожения и смерти на Сауде, не достигнувшей еще эпохи индустриализации.

"Овладеть машинами, не имея никакого понятия о машинах."

Герою не удастся увидеть страну, где течет нормальная жизнь, они знакомятся с цивилизацией Сауды только со сторо-

ны концентрационных лагерей. Но этого знакомства вполне достаточно для определения социальной структуры этого общества.

2.1.6 Социальная структура общества че Сауле

На отдаленной от нас временам и пространством Сауле Стругацкие строят общество с тоталитарным режимом: диктатуру с определенным, вполне устоявшимся порядком вещей, с общественными отношениями, принявшими уродливую форму, где самая высокая добродетель состоит в повиновении и молчании. Перед этим обществом стоит цель - "война за земли, которые ему /диктатору/ принадлежат", а "в такой каше не до отдельных людей".⁷

В этом мире общество дошло до полного экономического развала /нет даже угля для надсмотрщиков/, где существует непокрытое неэтичность и царит атмосфера темного гося, тоски, современной безысходности:

"... здесь ошумелось равнодушное отчаяние, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, когда впереди нет абсолютно ничего, кроме смерти один на один с безучастной толпой."⁸

Только за 36 часов пребывания на планете путешественники увидели сотни, а может и тысячи трупов. Проникнув в один из барачков, путешественники, в поисках живых людей, наталкиваются на, лежащих "штателями" людей:

"Валим судорожно глотнул, сделал шаг вперед и похлопал кого-то по голой ноге. Нога была ледяная, мертвая. Он дотронулся до другой ноги. И эта нога тоже была ледяная, мертвая.

- Здесь не найти живых. Они все оочечневшие, мер...

Антон и Радим, выросшие при утопическом коммунизме, обла- дают всеми достоинствами положительных героев соцреализма: идельностью, смелостью, силой воли, умом, готовностью к са- мопожертвованию и бескорыстием. Столкновение с действитель- ностью / с тиранией, свойственной тоталитарному режиму/ производит на них оглушающее впечатление. Без внутренних колебаний и сомнений, несмотря на необычность обстановки, они с ясностью и определенностью, характерными для их прототипа, бросаются на помощь несчастным. Однако их ждет сюрприз: заключенные не желают освобождаться, осво- бодившиеся пленники бросаются защищать своих мучителей. Выясняется, что им некуда идти, их везде ждет смерть, в лучшем случае - возвращение в тот же лагерь.

В своей неадекватности Радим и Антон считают причиной своей неудачи - малочисленность. И намереваются призвать землян на помощь:

"Тра миллиона добровольцев, красивый благоустроенный город, *золота* настежь, лосими!... Конечно, это случится не сразу. Придется поработать, лет пять потре- буется..."¹⁰

Однако, Саул, "знаток истории XX века", смеется над этим "пятилетним планом". Не пять, а пятьсот пятьдесят пять лет нужно, чтобы вырвать планету из грязи и неве- жества.

Более того, вмешательство в развитие общества, при- *должает* Саул, даже с наилучшими намерениями, нарушит за- конны общественного развития и изменит естественный ход истории, что переломит хребет человечеству.

Путешественники улетают, обвинив Странников во вме-

шателстве в ход истории на Сауде, что, в конечном итоге, привело к бессмысленной гибели Большой части населения этой технологически слабообразованной планеты.

Они улетают, не разобравшись в природе власти при которой "здоровые несталнатилетние мальчишки дали себя газеть без сопротивления и покорно замерзли".¹¹

Улетают - предоставляя читателю ответить на эти вопросы.

2.1. в "Миф о Странниках" в "Попытке к бегству"

В микромире "Попытки к бегству" "Миф о Странниках" существует, как "объективная правда существования сверхцивилизации Странников" на Земле и на Сауде. Рассмотрим теперь какое же отношение к "гипотетическим Странникам" жители этих, разделенных временем и пространством, миров.

Из земляки о Странниках знает только Антон, который, как и каждый звездолетчик микромира Стругацких, является членом Комиссии по контролю. "Структуральнейший лингвист" Вадим и "знаток истории XX века - Саул ничего не знает о Странниках. Только покосившись на Сауду и увидев первые трупы полу-гольч людей, Антон вспомнил, что эта планета, под кодом РН 7631, "находится в списке звезд, лежащих на гипотетическом пути Странников", в списке "Порбовского-Гадепа".¹²

"Он вспомнил циклопические сооружения, оставленные Странниками на Владиславе, и его охватила тоска. Такая тоска наваливалась на него каждый раз, когда он брался за непосильную задачу."¹³

На Сауде, как уже было сказано, о Странниках знает все население: и "власть имущие" /надсмотрщики рассказали о машинах оставленных Странниками/ и народ /который обожествлял эти машины/.

Избегая преждевременных выводов, проанализируем как появилось "аманательство" Странников на общественное развитие цивилизации Сауд, почему не вообунтовались заключенные /ведь на тысячи заключенных приходилось только несколько, вооруженных копьями, надсмотрщиков/ и не воспользовались предложенной помощью.

Чтобы ответить на этот вопрос следует принять во внимание два фактора: "обожествление" машин Странников населением Сауды и странный титул местного диктатора, символизирующий его абсолютную власть на земле и на небе - "Великий и могучий Утес, сверкавший бор с ногой на небе /власть на земле и на небе/, живущий /или появляющийся/, пока не исчезнут машины /то есть, речью/.

В этой своеобразной аллюзии на слова "Великого Инквизитора", Стругацкие, указывая на "обожествление" машин Странников, обращаются к трем силам "пленившие совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, - эти силы чудо, тайна и авторитет" Неизвестного, на которых и ложится власть диктатора /"пока не исчезнут машины"/. И "последнее стало" не бунтует, так как "не в силах справиться со своей свободой".¹⁴

Связь с "легендой" Постоевского подчеркивается Стругацкими и аллюзией к своеобразной вариации на тему "Великого Инквизитора" - к роману А. Платонова "Котлован":

"Визу показался гнетущий котлован. На дне его в беспорядке сгрудились машины, желтые и дикая орудия унижения и смерти."¹⁵

Использование Стругацкими аллюзий к произведениям отдельных современных социалист /одна из главных идей "Легенды о Великом Инвазиторе" и "Котлована"/ приводит к мысли, что "социальное бедствие", обвинявшееся на цивилизации Саулы в результате "внимательства" Странников, и есть "тирания социалистического типа", о которой говорит Л. Галанси в книге "Русское прошлое и советское настоящее".¹⁶ И, следовательно, "внимательство" Странников способствовало изменению классического месопотамского средневекового режима, ранее существовавшего на Сауле, который, как считает Галанси, стоял на страже добрых нравов, юридических традиций, установивших санкции, сохранял и поддерживал политический и эконоический порядок и "был отражением неустойчивого космического и духовного порядка", на социалистический режим.¹⁷ Режим, где действия запланированы и направлены на достижение цели диктатора, о которой Стругацкие и провозглашают - "борьба за земли, которые ему принадлежат", - на достижение "пояздо-блага".

Но, если "внимательство" Странников привело к усилению тирании на Сауле, если они виновны в этом "социальном бедствии", то почему заключение отменяется от земли, в то время, как наблюдатели молниеносно складывают под ними /землянами/ долги?

"Пред ним /Антоном/ стоял человек в члве... Длони в меховых рукавицах были сложены перед собой... А все люди справа и слева от Антона стояли, законч лица рукави."¹⁸

2.2 "Малыш"

Следующее произведение, в котором Стругацкие обращаются к "Мифу о Странниках" — "Малыш", выходит через девять лет после "Попытки к бегству", в 1971-м году. В течение этих девяти лет, Стругацкими были написаны их лучшие произведения, как "Улитка на склоне" и "Сказка о Тройке", где "инакомыслие" братьев было раскрито цензурой и критикой. И, не имея возможности открыто критиковать советскую идеологию, Стругацкие возвращаются к, все еще не расшифрованному символу, к "сверхцивилизации Странников".

На "хастрированной", "биологически пассивной", "с запахом бывшей жизни" планете, обнаруженной в процессе операции "Колчег" /здесь возможна ассоциация с поисками легендарного Ковчега Завета/, звездолетчики Земли сталкиваются с негуманоидной цивилизацией. Желая установить контакт с аборигенами, земляне наталкиваются на неожиданное препятствие: на этой планете, где кроме океана, скал и жалких каплювчх деревьев нет ничего "земного", обитает земной мальчик — ллииноогия, с осточий плечами, с совершенно окаменевшим неподвижным лицом мертвенного, синевато-зеленого оттенка — угловатый полубонок лет двенадцати.

Оказывается, на этой планете, лет двенадцать тому назад, разбился земной звездолет "Пилигрим", находившийся в "свободном поиске". Жакпак "Пилигрима" погиб, но гогодородный ребенок, спасенный местными жителями, ставшими обитателем. Ожидается и причина катастрофы: "Пилигрим"

был "подбит" сжарядом, выпущенным охраняемым "спутником-автоматом" Странников, обнаруженным на орбите планеты.

Малча, ставший невольным посредником между двумя цивилизациями, передает землянам настоятельное требование обитателей планеты - убратся восояси. И Голбовский, теперь уже председатель Комиссии по контактам /КОМКОНа/, передает землянам решение КОМКОНа - откататься от контакта и убратся с планеты. Мотивировка этого решения, высказанная Голбовским, очень странная:

"Между нашими цивилизациями, как между молотом и наковальней, оказалась сейчас третья, и за эту третью, за ее единственного представителя, Малча, мы несем всю полноту ответственности."¹⁹

Иными словами: многовековая мечта человечества о "контакте" с внеземной цивилизацией "не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ребанка."²⁰

И, обвиняя Странников в гибели "Пилигрима", в страшной судьбе Малча /который остается на планете/ и в несостоявшемся контакте с внеземной негуманной цивилизацией, земляне улетают.

Фантастическая повесть "Малча", незаслуженно пренебрегаемая критиками, состоит из множества "г. текстов", объединенных, довольно традиционным для жанра научной фантастики, сюжетом - удастся ли землянам установить контакт с инопланетянами. Этот литературный прием, который применялся, в некоторой степени, Стругацкими в произведениях второй фазы / в "попытке к бегству", в "Трудно быть богом" и в "Хищник веял века"/, становится одним из главных средств

маскировки "идакомесия" в произведениях четвертой фазы. Именно в подтекстах "Стругацких" мы и находим, свойственные для произведения третьей фазы, переплетения аллегорий, символов и явлений к произведениям русских классиков и современных писателей, расшифровка которых раскрывает мироощущение братьев. ²¹

Примером существования и значения таких подтекстов в "Мальчик" может служить анализ преступлений в которых обличаются гипотетические Странники.

2.2.а "Гибель о Странниках" в повести "Мальчик"

Как и в "Попытке к бегству" герои повести "Мальчик", земляне - звездолетчики и сотрудники КОМКОСА - не сомневаются в существовании Странников и наделенный на орбите планеты охранной спутник-автомат, по словам Горбасевского, считается еще одним свидетельством вмешательства Странников в судьбу общества. Рассмотрим теперь символику трех подтекстов в которых раскрывается это "вмешательство".
Подтекст 1: гибель "Пилигрима", находившегося в "свободном поиске".

Уже сам выбор названия звездолета - "Пилигрим", - символизирует чуждость его экипажа миру действительности и поиски лучшей жизни. ²² /Но что может быть "лучше" жизни в утопическом коммунистическом обществе XXIII века, в котором обитают все герои Стругацких?!/ Экипаж "Пилигрима" - Мура и Мари Семеновы, в космосе родилась парочка - Мальчик, были "романтиками старыми" и "анатолами" новых Старинных законов. ²³ Иными словами: Семеновых не "заменили" "новые

порядки" и "норме законч", где, как позже объяснит Стругацкие, исчезли такие понятия как господство, честь и свобода научного любопытства.²⁴

Отправив "пилигрим" в "свободный поиск" Стругацкие использовали фрагментарную аллюзию к известному стихотворению Осифа Голдского "Идут по земле пилигримы", где пилигримы идут "мимо Мекки и Рима", так как "мир остается прежним. /.../ Мир остается живым. /.../ И значит - не будет толка / от веры в себя да в "ога. / И значит - остались только /ИЛЛЮЗИЯ и ДРОГА."²⁵

Иллюзорные надежды Семеновых, отправившихся в "ДОРОГУ", не сбылись, они погибают, "подбитые" снарядами Странников. Но остается Малыш, ребенок вросший в "нечеловеческих" условиях.

Подтекст 2: характеристика особенности Малыша.

Углубление тем фактом, что годовалый ребенок жил на этой "кастрированной" планете, земляне выдвигают гипотезу, что аборигены спасли Малыша. Однако, сохранив ему жизнь, они подвергли организм ребенка коренным изменениям, в результате которых полностью закрепили его подсознанием.

Малыш "не знает" о существовании аборигенов, которые землянам предстают в виде "кнутов" или "усов".²⁶ Когда Комир предлагает ему поесть, происходит странная вещь:

"Малыш вдруг упал на колени, протянул руки и откинул рот, глаза его были закрыты."²⁷

Малыш умеет выпасывать "авинитные фантомы", но непонятно еще от кого это он "приучен зажиматься". У Малыша спонтанно и алогично появляются ответы на вопросы. Редки абсолютно бездумное существование, Малыш, однако, создает свое

"прикованность к этому району планеты".²⁸

Именно воспитание, определяющее "модус бытия любого существа", в результате которого видны во внутренней опустошенности Мальца, в его бездумии и в сознании прикованности к этой, "плачевного состояния" "замкнутой", планете, а не физические недостатки /глубокие нравы и колчанность/ вызывает чувство жалости и сочувствия у читателя: качества советского воспитания, где главенствует "запах тюрьмы, бесправия и лжи", от которого бегут дети в "Гадких лебедях".²⁹

Еще один факт свидетельствует о "советском" воспитании Мальца - знание принципов социалистического соревнования, этого лозунга-символа, который; вместе с другими пропагандистскими формулами, выработывает у человека автоматизм мышления, способность воспринимать как реальность "мистические" инструкции, спускаемые "сверху".

Пытаясь установить более близкий контакт с Мальцем, земляне играют с ним в мяч. Это была странная игра, так как придуманные правила игры на ходу, Мальц не упускал случая продемонстрировать свои физические преимущества /физические недостатки, которыми обладает Мальц в глазах землян, на этой планете оказались "преимуществом"/. Называя "привельцам" соревнования, Мальц все время выигрывал. Сначала он выигрывал, потому что люди поддавались. Потом он выигрывал, потому что они не понимали его правил.³⁰

Итак, "страшная" судьба Мальца, в которой виновны Странники /по их вине погибли родители Мальца/, заключается в "социалистическом" воспитании, в его полной "полнозначительной" зависимости от абогитенов.³¹ Более того, из-за Мальца земляне отказываются от многожизненной мечты - "контакта" с вы-

земной цивилизацией.

Подтекст 3: отказ от "контакта".

В аспекте решения землян отказаться от контакта с негуманоидной цивилизацией важное значение приобретает диалог между Комовым - членом Совета Галактической Безопасности и сторонником "вертикального прогресса", - и Горбовским - председателем Комиссии по Контакткам.

Встреча с человеком на планете с негуманоидной цивилизацией кажется Комову невероятной удачей. Он считает, что Мальча следует превратить в "опудие" Земли, "беспомощно" восстановить в нем человека. Тогда "гордый и восторженный" Мальча станет посредником между двумя цивилизациями, между двумя равными партнерами. Комов не находит нужным считаться с настойчивым отказом аборигенов от контакта с землянами и для него не важны "желания" Мальчи. Цель - доказательство, благодаря возможному "контакту", правильности идеи "вертикального прогресса", - оправдывает любые средства. Для Комова вся создавшаяся "уникальная ситуация" представляется как "уникальнейшая возможность подвести наконец под свои идеи экспериментальную базис" и по-этому он настаивает на "контакте".³²

Горбовский, утверждая, что контакт с негуманоидными цивилизациями не входит в компетенцию Совета Галактической Безопасности, категорически возражает против контакта с этой "замкнутой цивилизацией". Но когда уговоры ни к чему не приводят на сцене опять появляется Странники:

"Странники считали эту планету запрещенной."³³

И, напомнив Комову, что тот всегда "с большим уважением отзывался о Странниках", Горбовский взывает к его гуман-

ности, говоря о "третьей цивилизации" - о Мальше. Конфликт завершен и "контакта" не будет. Однако, читателю не совсем понятен странный гуманизм, проявленный и Комовым /прото-типом ютлопом, возможно, является один из членов Комитета Государственной Безопасности/ и Горбовским /главным героем присведений первой и второй фаз Стругацких - интеллигентом, бессребреником и филантропом, - председателем Учмисси по Контактам, роль которой в микромире братьев еще не ясна/. Недоумение это высказано одним из земляк - Поповым, - трудолюбивым, интересующимся, но невеликого ума рядовым кибернетиком лет 20-ти:

"Вдруг тот самый Мальш, который должен был стать верным поминником, неоценимым посредником, главным тараном, сокрушающим все преграды, сам превращается в главное препятствие."³⁴

Горбовский, утверждая, что многовековая мечта человечества о контакте с внезапной цивилизацией "не стоит слезинки одного только замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конурке своей", не объяснил почему же "не стоит". И здесь мы опять обращаемся к словам Ивана Карамазова:

"Не стоит, потому что слезинки остались не искупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии."³⁵

При контакте нужна "гармония", но ее нет, так как страдания Мальша не искуплены. Но кем должны быть искуплены "слезинки"? Странниками? Но почему тогда аборигены отказываются от контакта с людьми? Откуда знают они о людях, если единственные племественники Комова и его экипажа, Семановы, погибли, так и не покинув "Пилигрим", а Мальш, как будто, был ими же и воспитан?

2.1 "Жук в муравейнике"

Для два свидетельства о деятельности "гипотетической сверхцивилизации Странников" мы находим в повести "Жук в муравейнике" - второй части трилогии Максима Крамера, - написанной в 1978 - 1979 годах и впервые изданной в Советском Союзе в 1987 году.³⁶

Сюжет этого многопланового фантастического детектива, построенного на самом увлекательном из охот - "охоте на человека", - как и в "Мальше", "маскирует" множество скрытых контекстов /"подтекстов"/, в которых переплетения заповедного языка, сказочных аллюзий и аллюзий к произведениям Паскова, Гугагора и Достоевского, скрывают явную "опасность" Странников по отношению к советской власти.

Повесть "Жук в муравейнике" можно разделить на две взаимосвязанные части, где главный сюжет повести раскрывается со слов Максима Крамера, осуществляющего "охоту на человека" - Лью Абалкина и дневниковые записи Абалкина. Связкой между частями, помимо общих героев /Абалкина и Голована "Макса"³⁷ и лейтмотива "сверхцивилизации Странников, служит "никая судьба" планеты "Надежда", которая явилась, как "грозное предупреждение всем обитаемым мирам во Вселенной и как свидетельство самого недавнего по времени и самого масштабного вмешательства Странников в судьбы других цивилизаций".³⁸

О судьбе цивилизации "Надежды" в повести даны две версии: официальная версия, пересказанная Максимом Крамером, и дневниковые записи Абалкина, где под кодовым названием "Операция "Мертвый мир"" пересказывается сви-

2.3 "Чук в муравейнике"

Рим два свидетельства о деятельности "гипотетической среднечивилизации Странников" мы находим в повести "Чук в муравейнике" - второй части трилогии Максима Краммера, - написанной в 1978 - 1979 годах и впервые изданной в Советском Союзе в 1982 году.³⁶

Сюжет этого многопланового фантастического детектива, построенного на самой увлекательной из охот - "охоте на человека", - как и в "Мальше", "маскирует" множество скрытых контекстов /"подтекстов"/, в которых переплетения эзоповского языка, сказочных аллегорий и аллюзий к произведениям Лескова, Толстого и Достоевского, скрывают явную "ересь" Стоугацких по отношению к советской власти.

Повесть "Чук в муравейнике" можно разделить на две взаимосвязанные части, где главная сюжет повести раскрывается со слов Максима Краммера, осуществлявшего "охоту на человека" - Льва Абалкина и дневниковые записи Абалкина. Связкой между частями, помимо общих героев /Абалкина и Голована Мекна³⁷/ и лейтмотива "сверхцивилизации Странников, служит "дикая судьба" планеты "Надежда", которая явилась, как "грозное предупреждение всем обитаемым мирам во Вселенной и как свидетельство самого недавнего по времени и самого масштабного вмешательства Странников в судьбы других цивилизаций".³⁸

О судьбе цивилизации "Надежды" в повести даны две версии: официальная версия, пересказанная Максимом Краммером, и дневниковые записи Абалкина, где под кодовым названием "Операция "Мертвый мир"" пересказывается сви-

детельство местных жителей "Надежды".

2.3.а "Мертвый мир"

Официальная "твердо установленная" версия о судьбе цивилизации "Надежды" распространяемая КОМКОНОМ-2 и пересказанная Коаммердером гласит следующее: потеря контроля "газоокеанного правительства планеты Надежда над развитием технологии, привела к необратимому нарушению экологического равновесия. Местное население, пораженное целым комплексом генетических заболеваний, было обречено на полное одичание и неизбежное вымирание, в результате чего, эта цивилизация не имела никакой "исторической перспективы". Но тут пришли Странники и являли подавляющее большинство населения Надежды через межпространственные тунели и СПАСЛИ население. Правда, куда были эвакуированы эти несчастные люди и где они сейчас - никто не знает.

Местные жители, по свидетельству Абалкина, утверждают, что во всем виновата отвратительная раса "нелюдей", расплодившаяся в недрах планеты. Предприятия нашествия на местное человечество, "нелюди" обрушили невиданную "пандемию" на всю планету, в результате которой люди, начиная с двенадцатилетнего возраста, начали стремительно стареть. Двенадцатилетние юности и девочки выглядели сорокалетними, в восемнадцать лет начиналась старость, а до двадцати доживали только единицы.³⁹ Эта "пандемия" существовала три года, после чего "нелюди" предложили организовать переброску населения в "соседний мир", то есть к себе в недра земли.

Миллионы испуганных людей скинулись в специальные колодцы, отхлыла, возмущается, никто с тех пор не являлся. Так ПОГИБЛА местная цивилизация.

Конечно, не все поверили и не все испугались. Остались целые группы и семьи, продолжавшие свою безнадежную борьбу за существование и за право жить, как жили их предки. Однако, "нелюди" и эту жалкую долю процента населения не оставили в покое и организовали настоящую охоту за детьми, "за этой последней надеждой человечества".⁴⁰

Жители Надежды не упоминают о Странниках, они говорят о "нелюдах". Однако, у читателя не возникает сомнений, что "нелюди" — это и есть Странники. Причиной тому, во-первых, официальная версия о вмешательстве Странников в судьбу Надежды, а во-вторых, все построики "нелюдей" с которыми сталкивается Абалкин сделаны из "янтарики" — материала похожего на янтари, — характерного "стройматериала" Странников, о котором упоминалось еще в рассказе "Бесантники".⁴¹

В дневниковых записях Абалкина мы впервые узнаем об отношении населения к Странникам — нелюдам. Ведь в "Попытке к бегству" заключенные "безмолствовали", а в "Мальше" аборигены вообще не желали "контакта". Абалкин пишет об открытой ненависти испытываемой жителями Надежды к Странникам — нелюдам, цитируя слова одного из аборигенов:

"Это же НРЮЦЫ!... Они разрушили наш мир! Они и теперь не дают нам покоя, травят нас, как крыс..."⁴²

Обратимся к семантике слова "нелюдь", к смыслу, вкладываемому Стругацкими в это понятие.

"Нелюди" впервые появились у Стругацких в повести "Мальш", где одна из глав называется "Нелюди и вопрос". В этой

главе центральное место занимает диалог между Комовым, стремящимся понять некой "подростки под свои идеи экспери- ментальной базис", и Мальшием. Точно судить по этой главе, где "вопрос" задается и Мальшием и землянами, кто же из них "человек".

Принимая во внимание употребление Стругацкими слова "человек" во множественном числе /"челюди"/ и характерные особенности облодетей Комова и его экипажа, можно предполо- жить, что прототипами землян служат облодетей победителей в советской литературе 20-х годов - "нежили", - описанные, к примеру, в "Колылушке" Сабелки.⁴³

Многие характерные особенности Мальшия заставляют сомне- раться в том, является ли он человеком. Родь человеческий детеныш, воспитанный волком, бегает на четвереньках и рычит. Сомнам же сын Мавули /Мальчи/ остался человеком помыстоющим? Он ходит на ногах и активно пользуется оуками, это само по себе не есть что-то врожденное, это воспитывается. Он может говорить, плавать, не всегда понимая, что он говорит, но все- что та часть мозга, которая отвечает за языкостроение в него великолепно. Неужели негуманоиды смогли так воспитать человеческого детеныша? А если к этим "человеческим" при- знакам добавить описание "совсемно неполнозначных, слепых как у статуи" глаз Мальчи, его черную, блестящую кожу "словно покрытую маслом", то, возможно, он и есть "человек".⁴⁴

Третья возможность, что "человек" - это облодетей, - от- падает, так как на Надежде местные жители принимают Абал- кина за "нежили":

"Проклятая подземный облодетей ... Я тебя сразу раску- сил..." - воскликнул старик.⁴⁵

Из всего вышесказанного логично предположить, что "нелюди" и "мальчи" и "нелюди - Странники" в "Жук в муравейнике" - это земляки.

Предположение, что гипотетическая "сверхцивилизация Странников" - это некая "сверхцивилизация" Земли, - дает ответы на некоторые вопросы.

Так как последствия превращения "Странников - нелюдей - земляки" на разных планетах - катастрофичны, и их "вмешательство" в развитие цивилизации привело к "социальным бедствиям", становится понятной и реакция заключенных на Сатурне /закрывают лица рывками при виде земли/ и в "Мальчи" /аборигены не желают "контакта" с землянами/ и ча Надежде, где Акакина чуть не убивают местные жители, узнав в нем "неплюк".

Это предположение, однако, все еще не отвечает на вопросы кто они - эти земляки и зачем им нужен был "Миб" о Странниках", это "раздвигает мнение о Странниках, безоголосочно принятое на Земле".⁴⁶

Ответы на эти вопросы мы находим в повести "Жук в муравейнике", в той части, где повествование ведется Максимом Кошмаровым.

2.3.6 "Хорош в курятнике"

Сначала всего обратимся к "Мибу о Странниках", занимающему главное место в рассказе Кошмарова.

Сорок лет назад на какой-то безымянной планетке Мило найдено устройство, приписываемое Странникам. Ч этом устройстве - "саркофага" - Мило найдено тринадцать /чартова

дичина/ одлготвореничк яви - тоу чила како серианс.⁴⁷
Серьезность обстановки была очевидна по достоинству и Ко-
мов, "специалом по средншпичному качеств", немедленно собрал
совещание руководителей КОМКОРов, которые входили в "Миро-
вой Совет". Среди них были такие личности, как Геонил Пообов-
ский, Гадео и Вулдоф Сикорский /личика которого в "Обита-
емом острове" была "Странник"/. Однако, пока совет заседал,
ящцеклетки Странников начали ледянке. Предполагаемая про-
грамма, заложенная Странниками в зародыши, вселяет в членов
Мирового Совета страх и все работы, имеющие отношение к
этой истории, объявляются закрытыми. "Тайна личности" "под-
кидшей Седанчиков" не подлежит разглашению ни при каких
обстоятельствах.⁴⁸

Амалкин - один из "подкидшеш" под номером 07, - пос-
танным ребенком. С детства он отличался замкнутостью и
мир его состоял из него самого и всего живого вокруг - "за
исключением людей". Люди были ему посто неинтересны. Он
повелевал змеячки, начинал и прекращал войны между муравья-
никами. Весь мир был его собственностью.

Не смотря на способности и желания Амалкина стать зоо-
психологом, комиссия по распределению направила его в шко-
лу "Прогрессоров", которую он благополучно окончил, и затем
был сослан с Земли. По тому же закону о "тайне личности"
ему запрещено было возвращаться на Землю. Посвященные в "тай-
ну личности" Амалкина и других "подкидшеш" сотрудники
Мирового Совета со страхом ожидают, когда же начнет "сраба-
тывать" "вельзевулова программа" Странников. И вот, через
сорок лет, эта львовская программа начинает "срабатывать".⁴⁹
Амалкин, убив штатного сотрудника КОМКОРа - Тристана, - воз-

впадает на Землю, чтобы узнать тайну своего рождения.

Члены Мирового Совета — Голубовский, Сикорский и другие, — в панике. Они не знают в чем заключается эта "программа", но не желают идти "на поводу у Странников" и боятся "социального бедствия", на раз уже происшедшего по вине Странников.

Интеллектуалы Мирового Совета разработали две возможные гипотезы "социального бедствия", которые могут произойти в результате "вечнотеряемости" Странников, а, которое произойдет когда "сработают" программы, заложенные этой гипотетической сверхцивилизацией в "подкидных": "жук в муравейнике" и "хорок в курятнике".

Здесь Стругацкие опять используют литературные аллюзии к произведениям Островского: "муравейник" и "курятник" — это то, что отвергает "человек из подполья".

Голубовский надеется, что оправдается первая гипотеза — "жук в муравейнике", где "умные люди из чистого научного любопытства" смкнули в "муравейник" — в это "коммунистическое" общество в котором живут герои Стругацких, — "жука":

"... и с огромным прилежанием регистрируют все нюансы муравьиной психологии, все тонкости их социальной организации..." 50

"Муравьи", увидев "жука" в своем "муравейнике", засуетятся, перепугаются и будут готовы "жизнь отдать за родимую кучку", а "жук" пролезет, в конце концов, с "муравейника" и убежит своей дорогой. 51

Сикорский, имея на то свои основания, боится, что осуществятся вторая гипотеза — "хорок в курятнике". Страх Сикорского основан на его личном опыте, когда он, под кличкой "Странник" пробрался, как "хорок", в "загаженный курятник" "Обитаемого острова" — в Центр, где сидели "Огненосные Твои-

ца", обладатели курдючк кличек /Чергунички, Гололастик, Умник/, и способствовал своим государственным переворотам. Следовательно, Сикорский боится, что "вмешательство" Странников приведет к государственному перевороту, к потере власти. Потеряв голову от страха, Сикорский убивает Абалкина, носителя "программы" Странников.

Этот флеридический фантастический детектив кончается предсмертными словами Абалкина из детской считалочки: "Стояли звезды около дачи, очи кричали - их не пускали". 52

2.3.4 "Миф о Странниках" в повести "Жук в муравейнике"

Две главы из рассказа Максима - "Тайна личности Льва Абалкина" и "Лазек "бомберг. Гитва железных старцев" - заслуживают особого внимания в аспекте раскрытия символики Странников.

В главе "Тайна личности Льва Абалкина", где рассказывается о находке "саркофага", описывается заседание "Мирового Совета", повесткой дня которого является решение дальнейшей судьбы этого устройства.

Совсемания "критикума", из которых никто не высказывает сомнения в существовании Странников, в процессе дебатов расколоты на "два фракции" - оптимистов и пессимистов.

Оптимисты, под лозунгом "Не будем плохо думать о Странниках", убеждены, что "саркофаг" есть хранилище генофонда Странников, которые вполне могут оказаться генетическими двойниками человека, или землян". Кроме того, они полагают, что Странники выступают здесь "с целями скорее просветительскими".

Пессимисты, вовсе не уверенны в "благонастроении Странников к землянам", так как Факки, говорит один из специалистов по Странникам - Макипо Синода, свидетельствует о том, "что Странники абсолютно равнодушны к чужому разуму и склонны относиться к нему как к средству для достижения своих целей".⁵³ "С ююофог" Странников, в таком случае, есть "идеологическая бомба замедленного действия, а государства-посредники /в/звеклетки!/- строго пода диверсанты, предназначенные для внедрения в нашу цивилизацию". Странники, при таком рассматривании, спачниваются с Прогрессорами, с лильми Земли, деятельность которых направлена "на ускорение прогресса остальных гуманоидных цивилизаций".⁵⁴

Как мы уже знаем, "взвеклетки Странников", не дожидаясь победы той или иной фракции, самовольно начали движение. И именно этот факт и вселяет страх в специалистов по Странникам. У них нет власти над происходящим.

Такое г тескное описание совещания Мирового Совета, где "уорифен" - специалистами по гипотетическим Странникам, - пользуясь советским политическим языком /"идеологическая бомба замедленного действия", "диверсанты", "начало нового этапа"/, *всказывают* "экзотические гипотезы" по поводу "замыслов Странников", приводит к мысли о чем-то недосказанном, о тайне, которую даже члены Мирового Совета боятся произнести вслух. /О недобродеи и соперничестве между членами правительства, Стругацкие пишут в "Обитаемом острове", где тайная информация, ставшая достоянием одного из "Огневичи "ворцов" - группы "взболков" в руках которых сосредоточена власть на Острове, - используется им для усиления собственной власти.^{55/}

И, как и во всяком уважаемом себя детективе, где и герои и читатели не могут найти "преступников", на сцене появляется очень своеобразный Шерлок Холмс, в образе старика Лазика "Громбега".

В главе "Айзеке Громберг, Титва железных старцев", где впервые появляется Громберг и где происходит знаменательный диалог между Сикорским /кличка которого в этой повести "Акселени"/ и Громбергом, раскрывается сущность организации КОМЧОН-2, ее задачи и кто скрывается под гипотетическим образом Странника - инопланетян - землян.

Из этого диалога, пересказанного Крамееввером, мы узнаем, что КОМЧОН-2, которая полнится "ся Мировому Совету, осуществляет "контроль над наукой". Критерием для контроля является не качество научного изобретения, а "морально-этические принципы". Такой бюрократический научно-административный контроль над наукой Стругацкие и критиковали в "Сказке о "рынке", позволяясь у этой теме, братья, устами комического персонажа, с нелепой характеристикой "краяеке левого дзюниста", Громберга, восклицая:

"Да, не каприз и не злая воля, а ваша потрясающая самоуверенность, ваша смехотворная, поистине средневековая, идиотски-фантастическая убежденность в том, что именно вам дано решать, чему быть скрытым, а чему - открытым!" 56

Под маской той же Громберга, Стругацкие не отказывают себе в удовольствии разнообразных объяснений, как то: "пролокаторн-общественннннн", "склеротические демагоги" и "тайные тюрьмы идеи". 57

Из этого же диалога мы узнаем о различных "научных" экспериментах, проведенных с ведома и согласия КОМЧОН-2,

и полностью засекреченных.

Операция "Зеркало" представляла собой "глобальную, строго засекреченную маневром по отражению возможной агрессии". От этой операции знали единицы, а миллионы людей, принимавших в ней участие, даже не подозревали об этом. Несмотря на все меры предосторожности, как это почти всегда бывает в делах глобального масштаба, несколько человек погибло. В связи с описанием операции "Зеркало" можно предположить, что гигантские сооружения, пописываемые Странникам, обнаруженные на разных планетах в рассказе "Бесантники" и были построены в процессе проведения этой операции.

Из описания дела "Чпод" мы узнаем об экспериментах в области телепатической явности, в процессе которых "пятачка Лявильски талантливых сорвиголов затеяла и едва не довела до конца свой эксперимент с новым вариантом хомо супер".⁵⁹ В связи с этим "делом" можно предположить, приняв во внимание характерные особенности Мальша, что он и есть такой неудавшийся "хомо супер", а спутник-автомат, по вине которого разбился "Пилгрим", остался на орбите планеты в результате операции "Зеркало".

Все эти фантастические предположения приобретают более реалистическую окраску, когда речь заходит у "железнички старца" об эксперименте "Саркофаг" и о "львовой записке открытой секретности", поставленной Экселенцем вокруг него.⁵⁹

Оказывает ли некий доктор, получивший уникальные результаты по "антропометрии и физиологии хроманьонцев", вынужден был, в результате секретности, держать свои результаты "под

спулом", то есть в скрытом месте. Другой доктор, найдя случайно этот инкубатор с эмбрионами "кроманьонцев", разгадал принцип работы этого "саркофага-инкубатора" и оказался в двусмысленном и стыдном положении человека, "которому научная общественность приписывает открытие этого принципа". ⁶⁰ То есть, "саркофаг", приписываемый Стояникам, оказывается еще одним "защепленным" изобретением, еще одним экспериментом в области палеоантропологии, а "поджигали Стояники" - "кроманьонцами". ⁶¹

Из всего вышесказанного можно прийти к следующим выводам: власть над "мурарейником" микромира героев Стругацких принадлежит Мировому Совету в который входят Гербовский - руководитель КОМКОНа /аббревиатура Комиссии по Контактам/, Сикорский - руководитель КОМКОНа-2 /аббревиатура Комиссии по Контролю/, Комов - председатель Совета Космической Безопасности и другие. Каждая из этих органов власти окружена таинственностью и неизвестностью. Известно, однако, что КОМКОН - осуществляет контакт с внезапными негуманоидными цивилизациями /как в повести "Малыш"/, Совет Космической Безопасности - контролирует гуманоидные цивилизации, а КОМКОН-2 - осуществляет контроль над наукой.

Прогрессоры - работники КОМКОНа и Совета Космической Безопасности, - деятельность которых направлена на ускорение прогресса остальных гуманоидных и негуманоидных цивилизаций, не пользуются уважением и любовью народов. Они отличаются бескомпромиссностью и умением ревнительно делить население на "своих" и "чужих", за что к ним относятся с "брезгливой настороженностью", не понимая, что бывают ситуации, "когда компромисс исключен". Мир Прогрессоров - это "мир, где "пре-

гамт и мучают друг друга". 62

О деятельности Прогрессоров "ядовито" говорит Голован Мекки:

"Тотт вам попасть в другой мир, как яч сейчас же принимаете переделывать его наподобие вашего собственного. И конечно же, вашему воображению снова становится ясно, и тогда яч ищите еще какой-нибудь мир и опять принимаете переделывать его..." 63

И повести "Волны гасят ветер" о деятельности Прогрессоров говорит Тойво Глузов - бывший Прогрессор:

"Я был Прогрессором всего три года, я нес добро, только добро, ничего, кроме добра, и, господа, как же они ненавидели меня, эти люди! И они были в своем праве. Потому что боги пошли, не спрашивая разрешения. Никто их не знал, а они вперед и принялись творить добро." 64

КОМКОМ-2, под руководством Сионского осуществляющий контроль над наукой, занят, в основном, "засекречиванием" различных экспериментов. Под "маскировкой" того же "романа Стругацких" выражает свое отношение к КОМКОМам:

"КОМКОМ-2! О, ваше изумство! Взять всем известную аббревиатуру - Комиссия по Контактам с индией цивилизациями! Лагородно, возвышенно! Прославлено! И спрятать за ней вашу элоронкую контору! Комиссия по Контролю, видите ли! Команда Консерваторов, а не Комиссия по Контролю! Компания Конспираторов!..." 65

Когда Последствия "заключенных" экспериментов слышном явно обнасужаются /а происходит это каждый раз, когда эреолетчики попадают на планету, пораженную "социальным бедствием"/, комкомом покрываются гипотетическими Странными, действиями некой "сведжицилизации", покинувшей нашу Галактику. Такое прикрытие явно устраивает осталь-

ник членов Мирового Совета и "безоговорочно" принимается землянами. Такая "вара" является минимально необходимым средством для возникновения "живого мифа". /Ведь современней миф - это именно живой миф./

Об этом говорит и Н. П. Стеблин-Каменский в книге "Миф":

"...Основное и, в сущности, единственное, что характерно для всякого мифа, это то, что он - повествование, которое принимается за правду, каким бы неправдоподобным оно не было." 66

"Безоговорочное принятие сумасбродия "специализации Странничков" за "объективную правду" в микромире Стругацких и становится "хорошим мифом" - "Мифом о Странничках".

В поисках эквивалента таких организаций микромира Стругацких как КОМКОРЧ в макромире блатьер - в Советском Союзе, - мы находим ее в структуре Комитета Государственной Безопасности /КГБ/, а в "Прогресссах" - работников этого, окружившего себя таинственностью и неизвестностью органа власти. Кроме того, в структуре КГБ мы находим и организацию эквивалентную КОМКОРУ-2, осуществляющую контроль над наукой. Об этой организации Джон Баррон в книге "КГБ", в главе "Как пользоваться типажией", пишет:

"Регулированием и координацией основных научных исследований, в гармонии с направляющими директивами Центрального Комитета /как и Мирового Совета в микромире Стругацких /Д.Б./, занимается, сильно укомплектованный сотрудниками КГБ, Государственный комитет по науке и технике. Этот комитет, с помощью КГБ, определяет очередность научных исследований и распределение научных ресурсов." 67

Следовательно, "Миф о Странничках", составленный и поддержи-

заемый комювцами микромира Стругацких для прикрытия преступлений, эквивалентен различным "мидам" или "лжемидам" советского правительства созданных и поддерживаемых им для сохранения власти. 68

Создатели таких "лжемифов", как в микромире так и в макромире Стругацких, использовали закоренелый мистицизм и застарелую надежду русского народа на добрых богов, "дочек шлеп и добрых героев, надежду на вмешательство авторитетной личности, которая придет и снимет с них все заботы и все ответственность", все то, о чем говорил "Великий Инквизитор". 69

В повести "Волны гасят ветер", третья часть трилогии Максима Клармера, героями микромира Стругацких развеял "миф о Странниках" - событие, названное Клармером "Великим Откровением".

2.4 "Миф о Странниках" в повести "Волны гасят ветер"

Третья повесть трилогии Максима Крамера - "Волны гасят ветер" - была написана Стругацкими в 1985-1986 годах. В этой повести, написанной в виде "меморандума Крамера", то есть, как официальная документ с изложением взглядов правительства на вопрос о Странниках, полнота названная "Миф о Странниках", а на его "обломках" создан новый миф - "Миф о Ляленах". "Миф" или даже "лже-миф" и река в него все упростит, и объяснит многие события, непонятные народу /как считают Коммуноиды/ - "Понять - значит упростить". 70

Сюжет повести построен на поисках Странников на Земле, которые проходят под эгидой трюкеского "Меморандума о Числослеме" Промберга, содержание которого представляет собой "рабочую модель прогрессорской деятельности Странников в системе человечества Земли". 71 Смысл этого "меморандума" сводится к тому, что:

"Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, меньшая часть его форсированно и наскоро обгонит большую, и свернется это волею и искусством сверхцивилизации, ревнительно человечеству чуждой." 72

Меньшая часть человечества, утверждает Промберг, состоящая из "современных" /то есть, "новых"/ людей, перешедших, благодаря своему "современству", в "монокосмический организм Странников", считает свой путь развития и "свой модус ви-венди" единственно верным и "страдает" от картины "разоб-вонных Разумов" тех, кто еще не достиг "совершенства".

Содержание Меморандума "Громбега" несколько не противоречит предположению, что Странники и есть работники КОМКОМА микромира или работники КГП макромира Стругацких. Марксистско-ленинская теория о создании Нового человека вполне вписывается в описание "современного" человека, перемещенного в "многосимметрический организм Странников", Громбега. Разделение, впрочем, человечества на две неравные части также соответствует существованию двух неравных классов в Советском Союзе: "номенклатура" и народ. 73

Обитатели микромира Стругацких, в повести "Великий гаскель ветер", однако, воспринимают Меморандум Громбега, как еще одно свидетельство существования Странников и продолжают искать их на Земле. Чуждый пач, сталкиваясь с какой-нибудь серьезной загадкой /к примеру, "эвасидишес" киты/, все равно инстинктивно атрибутирует как результат деятельности Странников:

"Вот у нас загадка взбутовалась. Разом нам искать причину? Се ясно: Странники! Чужовая рука сверхцивилизации! ...И ведь это уже не шутка! Это уже приговор! Это диагноз!" 74

Так говорит Тойво Глумов - главный герой повести, - бывший Прогрессор, занимающийся поисками Странников на Земле.

Анализируя различные ЧП /чрезвычайные происшествия/, Тойво приходит к выводу, что на Земле действует группа людей, отобранные по неизвестному принципу Институтом Чужаков. Отбор этих людей из списков "инверсантов" /отсутствие "синдрома пингвина" - отсутствие страха/, "отказчиков" /отказались от "прививки зрелости" - "аукамизации", которая "калечит и искажает ментально-эмоциональный код"/

"объявившихся" /леди, пропавшие на длительный период и внезапно объявившиеся/ и "поменявших профессию" /как например, некий Альберт Гужон, бывший до пятидесяти лет агро-физиком без всяких способностей к музыке, становится "замечательным композитором", а некая Евстолия Содди, сорок лет занимавшаяся теневыми функциями и был сухим, педантичным и нелюдимым человеком, становится "великим исповедником"/, и reveals, что эта группа людей и есть Странники, а Институт Чудаков - "опулие Странников для сортировки людей по неизвестному принципу", что соответствовало "Меморанду Бромберга", Тойво относит все эти данные Горбовскому.

"Ведь это был истинно его звездный час. Пять лет он искал их, нелюдей, тайно вторгшихся на его Землю... в тот момент он не испытывал ничего, кроме болезненно-го нетерпения - поскорее взять противника за горло. Ведь непозволительно доказав, что его противник находится на Земле и действую..., он тогда еще понятия не имел, что же он доказал на самом деле."⁷⁵

Горбовский - к тому времени уже глубокий старик, - высмеял Тойво, сказав, что Странники - это миф:

"Передайте ваши материалы педагогам, и у них будут свои интерпретации. У глубоководников - свои... у них свои мифы, свои Странники."⁷⁶

Однако, материалы Тойво не пропали даром, они способствовали созданию нового мифа, "Мифа о Люденах", так называли людей, отобранных Тойво /фантастический образ "люденов", ассоциирующийся с советскими диссидентами или евреями - отказниками, несомненно требует более глубокого анализа/.

2.5 "Миф о Странниках" и микромир героев Стругацких

Придя к выводу, что "Миф о сверхцивилизация Странников" создан КОМКОМ для прикрития преступлений, следственных Прогрессорами - работниками этого, орудившего себя таинственностью и неизвестностью органа власти, - во имя создания Нового человека и распространения "единственно верного пути развития человечества" по всей Галактике, мы также определили и отклонение населения "слаборазвитых цивилизаций" к этому насильственному "лобу" или "сверхдолю".

Определив структуру правления микромира героев Стругацких, этого "муравейника", мы нашли и "прототипа" КОМКОМ, подчинявшегося Мировому Совету - Центральный Комитет КПСС и подчиненный ему Комитет Государственной Безопасности /КГБ/. Кроме того, мы определили, что прототипом "Мифу о Странниках" служат многочисленные "лжемифы", созданные советским правительством для прикрития преступлений, совершенных во имя счастливого будущего. Вспомним, как исчезает ложная гуманность по отношению к детям, проявленная Горбюльским к Мадьяну, на планете "Надежда", где "Странники - нелицы" устроили настоящую охоту за детьми, "за этой последней надеждой человечества". Ложная гуманность Горбюльского была еще одним прикритием преступления, совершенного на планете Мадьяса.

Лаголая многочисленным альянсам к произведением Постоевского частично раскрылось и отклонение Стругацких к коммюнизму, Прогрессорам, а следовательно и к работникам

КРБ, как к "инвазионам", вообразивших себя "богами" и насильно, никого не спросив, навязавших "сверхдобро" во всем мире. Только под маской комического и гротескного персонажа - Аячека Фромберга - позволили себе богу выразить свое отрицание к "инвазионам".

Для более полного анализа мировоззрения Стругацких, на их отношение к "богам" обратимся к некоторым "намёкам" - эпитетам, сопровождающим "свидетельства" существования Странников, таким как "львовольский", "эльзевулова" и "черточка Лажина". И, как дважды повторяют Стругацкие:

"... если в нашем доме вдруг заволяло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами." 77

Следя этому "предположению", обратимся к "Ляволиаде" братьев Стругацких, анализ которой поможет определить отношение братьев к "средствциализации Странников".

ПРИМЕЧАНИЕ К ГЛАВЕ 2 - "МИФ О СТРАННИКАХ"

¹ Сравнение Странника Полли с Иваном Флягиным Н. Лескова, возможно, несколько поверхностное. Однако, некоторые характеристики Флягина, такие как, "чисто русское равнодушие к себе", "русский человек со всем спавится" и явная беспечность странствия Флягина, несомненно относятся и к русскому Страннику Полли Стругацких. Более того, существование "расы Голованов" в мире Стругацких, также доказывает влияние творчества Лескова на творчество братьев. "Раса Голованов" - собак с огромными головами, обладающих по-красному чутьем, - остается загадкой для героев Стругацких и является аллегорией на русский народ - на Голована из рассказа "Несмертельная Голован" Ч. Лескова.

² А. и Б. Стругацкие, "Подлень, XXII век. Возвращение", стр. 110.

³ ----- "Гарантировать думать о будущем".

⁴ ----- "Попытка к бегству", стр. 171. Эти же чувства испытывает герой повести "Все течет..." В. Гроссманна, вернувшись после лагерей на "материк" /стр. 50/.

⁵ Так как о Стругацких известно очень немного, то такая встреча с бывшим жителем Арктикалада "ЧУДА" остается предположением и символизирует скорее ознакомление Стругацких с некоторыми фактами советской реальности.

⁶ А. и Б. Стругацкие, "Попытка к бегству", стр. 238.

⁷ Там же, стр. 249.

⁸ Там же, стр. 198.

⁹ Там же, стр. 213.

¹⁰ Там же, стр. 240.

¹¹ Там же, стр. 183.

- 12 Там же, стр. 182, 183.
- 13 Там же, стр. 183.
- 14 Ф. Постоверский, "Братя Карамазовы", стр. 180, 185, 186.
- 15 Л. и Е. Стругацкие, "Попытка к бегству", стр. 246. Интересно, что Стругацкие "позаимствовали" и "Лакенбард" из очерка Платонова и Вильника "Че-Че-О". "Лакенбарды", которыми очень гордится герой повести "Малыш" Стругацких - Вандекувэр, - это "норач напужность", маска, прикрывающая явную, безоплата в "Че-Че-О".
- 16 А. Гезансон, "Русское прошлое и советское настоящее", стр. 36.
- 17 Там же, стр. 43.
- 18 Л. и Е. Стругацкие, "Попытка к бегству", стр. 203.
- 19 ----- "Малыш", стр. 439.
- 20 Ф. Постоверский, "Братя Карамазовы", стр. 268.
- 21 В примере, в "Галких лебедях", дети, обняв взрослых в том, что они "своими руками создали мир, который стал для них наглядным памятником", цитируют слова известного писки В. Рысониго "Правда и ложь", что-бы подчеркнуть, что именно "лживость", созданного взрослыми мира и превратила их /взрослых/ в "мертвецов": "Правда и ложь, вы не так уж несхожи, ведь когда правда становится ложью, ведь лживая ложь превращается завтра в чистейшую правду, а привычную правду..." /стр. 85/. Кроме того, такое обращение и поэзия Рысониго свидетельствует о том, что Стругацкие в своих "фантастических" произведениях описывают советскую реальность.
- 22 Такая символика "пилигрима" встречается в "An Illustrated Encyclopaedia of Traditional Symbols" by J. C. Cooper.
- 23 Л. и Е. Стругацкие, "Малыш", стр. 169.

- 24 А. и Е. Стругацкие, "За миллиард лет до конца света", стр. 107.
- 25 В своем скептицизме по отношению к религии и идеологии Стругацкие признаются не однократно. Скептицизм по отношению к советской идеологии превращает их в "одиноких пещераей" в повести "За миллиард лет до конца света" /об этом будет сказано в третьей части этого исследования/. В автобиографической повести "Хрошая судьба" /1967/ Стругацкие опять признаются в своем "неварии", говоря о "олстом": "А ведь он был ревущий человек... Рву было легче, гораздо легче" /стр. 22/.
- 26 Интересно, что умишкой Сталина на ямке городского просторечья была - "Vc", об этом пишет Е. Грессан в статье "Ноябрь - 1985", стр. 108.
- 27 А. и Е. Стругацкие, "Мальчи", стр. 397.
- 28 Там же, стр. 407.
- 29 А. и Е. Стругацкие, "Галские лебеди", стр. 74.
- 30 Если почтять во внимание, что земляче - "пришельцы" из своего мира в замкнутом миe Мальчи, то возможна и ассоциация с непониманием западного человека атмосферы царшей в Советском Союзе. Об этом непонимании пишет Я. Букорский в предисловии к книге С. Флоа и П. Раллауэя "Диагноз; инакомислие": "Я часто вижу недоумение в глазах людей, когда рассказываю о жизни в Советском Союзе. Иногда, по вопре сам, кто-то мне залает злеть, я вижу полное непонимание. Случается, что меня охватывает отчаяние и неволе в силу человеческого слова." /стр. 6/
- 31 "Подозрительная" завыченность Мальчи от аборигенов - это только чпотечез земляч, геллер михромма Стругацких, нигде авторами не подтверждается.
- 32 А. и Е. Стругацкие, "Мальчи", стр. 441. "Оморгский" вестникльчий протресс", лассочинно, чапочичает читателю о

"прогрессу по прямой" Энгельса или "прогрессу по спирали" Ленина. Малые это и есть тот "ребенок" которого Иван Капмазов не хотел жертвовать, а Комов, сторонник "вертикального прогресса" охотно жертвует им для "подведения экспериментального базиса под свои идеи", утверждая одномоментно, что спасает его.

³⁷ А. и Г. Стругацкие, "Маленький", стр. 411.

³⁸ Там же, стр. 411.

³⁹ С. Бостовский, "Роман Капмазович", стр. 260.

³⁶ Книга "Мир в муравейнике" впервые вышла в сборнике "Годы камня Эрдени", в 1992 году, хотя написана была 1978 году. В 1992 году эта повесть была переиздана издательством "Фиджи" на Запале. Цитаты в этой работе даются по последнему изданию.

³⁷ У Голованова "Муша есть еще и другое имя - Итра, - которое Чая Капанская в статье "Роман Капанского" подчеркивает как аббревиатуру "истинно русского человека" /стр. 178/

³⁸ А. и Г. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 18.

³⁹ Описание экологических и генетических болезней яка очень популярно в научной литературе 60-х годов на Западе. У Стругацких же, "пандемия" имеет явно политическую окраску и ассоциируется с обстоятельствами "золотого Сталинского Арпова" конца 30-х годов.

⁴⁰ А. и Г. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 97.

⁴¹ Все постройки Странников слезаны из "янтарина" - ярко-желтого материала, похожего на янтарь. "Янтаринном" его назвал Гадело в рассказе "Пегантники" /стр. 133/. Следует отметить, что в прибалтийской мифологии вдовы и девушки плакали "янтарными слезами". И, возможно, Стругацкие намекают, что все постройки Странников построены на слезах вдов и девушек, на слезах женщин.

- 42 А. и В. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 99.
- 43 В рассказе "Колдунчик", из книги "Великая Старица" И. Фабеля, Колдунчик убивает свою дочь, чтобы не пошла она "в недра". /стр. 279/
- 44 А. и В. Стругацкие, "Мальш", стр. 344.
- 45 ----- "Жук в муравейнике", стр. 99.
- 46 Там же, стр. 98.
- 47 Здесь Стругацким использован сказочный мотив Кошечей смерти, которая, в некоторых вариантах, находится в яйце.
- 48 А. и В. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 144.
- 49 Если принять во внимание символы "40-а лет" /после Исхода евреи провели 40 лет в пустыне, по 40 лет длились царствования Давида и Соломона и один из законов "Талмуда", по которому только с возраста 40-а лет можно начать изучение Талмуда, которая своим мистицизмом вполне могла быть для непрофессионалов "вольевуловым" учением или прогачмо/ и татуировка на сгибе правого локтя Абалкина = виде "стилизованной буквы Ж", то, возможно, в судьбе Льва Абалкина, в его "тайне личности", Стругацкими зашифрована и судьба советского еврея.
- 50 А. и В. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 144.
- 51 Там же.
- 52 Здесь возможна аллюзия к строкам солотубовского стихотворения "Пленные звери" - "Мы плачут звери, / Голосим, как умеем, / Глухо заперты звери, / Мы открыты их не смеем" - где использован мотив "заклоченных зверей позанки", в котором И. Аненский вывел "поступат уточненной веры в будущее".
- 53 Киширо Синода - это вполне реальное лицо, известный японский киновед.
- 54 А. и В. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 143.

55 В "Оливеах острова", Прокурор, один из "Огненных Творцов", предлагает Наксиму заговор: "Я предлагаю вам заговор, который базируется на значии самой главной государственной тайны. Только мы двое должны знать ее."
/стр. 294/

56 А. и В. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 127.

57 Там же, стр. 128.

58 Там же, стр. 132.

59 Там же.

60 Там же.

61 "Хоминиформец" - доисторическая раса людей, считающаяся предшественницей европейского человека.

62 А. и В. Стругацкие, "Жук в муравейнике", стр. 14, 46.

63 Там же, стр. 71.

64 А. и В. Стругацкие, "Юлим гасят ветер", стр. 140.

65 ----- "Жук в муравейнике", стр. 130.

66 М. Сталин-Чамовский, "Миды", стр. 82.

67 Дж. Баррон, "УГБ", стр. 138.

68 Примеров "лжемифов" советского правительства можно привести бесчисленное количество, таких как, к примеру, "революция для народа", "превращение сказки в быль", "народная власть" и т.д.

69 А. и В. Стругацкие, "Сказка о тройке", стр. 111.

70 Вспомог. к повести "Юлим гасят ветер".

71 А. и В. Стругацкие, "Юлим гасят ветер", стр. 16.

72 Там же, стр. 22.

73. О существовании класса "номенклатура" в СССР пишет М. Восленский в книге "Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза".
74. Л. и В. Стругацкие, "Волны гасят ветер", стр. 136.
75. Там же, стр. 152.
76. Там же, стр. 170.
77. Эта цитата повторяется дважды: в "Куке и муравейнике", стр. 157 и в повести "Волны гасят ветер", стр. 13.

Глава 3

"ВЬЯВОЛИАТА" БРАТЬЯ СТУГАЦКИХ

Начиная с 1967 года в произведениях Стругацких, едва опущившим фоном к внимательству "сверхцивилизации Странникова" в развитии общества, служит присутствие "запаха серы" - первых намеков на сравнение "сверхцивилизации" с "дьявольской" силой.

"Дьявольская" атмосфера сопровождает "преступления" Странников в "Попытке и бегству" и в "Мальше".

В "Попытке и бегству" эта атмосфера создается такими атрибутами традиционного изображения ада, как: черными и мохнатыми фигурами надсмотрщиков, вооруженных копьями; каменной породой, похожих на жерла давнявших вулканов, из своего дна которых вырываются "дьявольские" машины Странников; и изображением гигантского котла, где перемешались "дьявольские" машины Странников и полуголе, извлекшие утяти Саулд.

В "Мальше", Стругацкие, окрашивая в темно фиолетовые тона скалы кастрированного мира планеты, и в темные, почти черные краски пещеры, также создают "дьявольскую" атмосферу, на фоне которой изображены "преступления" Странников.

В повести "Жук в муравейнике", среди населения "Надежды" существует повесть, что Странники - "нелюди" появились из "недо планеты". "Вельевулова программа", якобы заложенная в "чертову джину" /тринадцать/ яйцеклеток "подкидыша" Странников, создает все ту же "дьявольскую" атмосферу, которая Стругацкие окружает каждое "свицлетельство" существование

Странников. Даже имена некоторых героев содержат в себе намек на дьявольскую сущность тех, кто скрывается за ширмой "Мифа о Странниках". Прототипом Рудольфа Сикорского, к примеру, может служить Рудольф - злой дух, Мефистофель из "Театрального романа" М. Булгакова, а имя Мабалики несколько напоминает имена демонов из библейского романа "Огненный ангел" - "Аба" или "Abalidoth", и булгаковского "Аладонну".¹

На всего вымышленного можно прийти к выводу, что для Странников власть, скрывающая свои "деяния" за иждивом "дьявола", и есть "сатанократия", как называл Бердичев советскую власть. Это подтверждается и аллюзиями к "Пегасе до Великого Инквизитора" Поговского, используя которое Странники стремятся показать, что советская власть - это власть Антихриста. Власть имущие советского государства, возмнив себя "богами", основывают власть Пьявола на Земле.

О власти Пьявола, упомянутого себя "сверхцивилизацией", в Советском Союзе 70-х годов повествуется в фантастической повести Странников - "За миллиард лет до конца света".

На первый взгляд повесть "За миллиард лет до конца света", написанная в 1975 году /задолго до появления второй и третьей повестей трилогии Максима Крамерера/, не имеет никакого отношения к раскрытию символики "сверхцивилизации Странников". Действительно, в героях двух вариантов повести /журнальчик и книжком/ трудно найти связь с произведениями, где происходит вмешательство Странников - и герои не те и время другое. Однако, когда в начале 1988 года появился упоминаемый, написанный Странниками по повести "За миллиард

лет до конца света" - "Пень затмения", то есть тотский вариант, связь становится очевидной.

Львовльская власть, которая в журнальном варианте повести называлась "Мирозданием", а в книжном варианте - "Гомеостатическим Мирозданием", а третьем варианте называется "Сверхиндивидуализацией". И, если во второй части этого исследования анализ Мид сосредоточен, в основном, на расчленовке символики "Трапачиков", то обратимся сейчас, посредством анализа второго и третьего вариантов повести "За миллиард лет до конца света", к раскрытию символики "Сверхиндивидуализации" и отсылочные к ней Стругацких.²

3.1 "За миллиард лет до конца света"

Фантастическая повесть "За миллиард лет до конца света" написана под псевдонимом М. Булгакова, творчество которого Аркадий Стругацкий, в интервью с корреспондентом журнала "Советская литература", назвал "ведущей нашей литературой".³

"Диплом Булгакова чувствуется в поздних произведениях третьей фазы и почти во всех произведениях четвертой фазы творчества Стругацких, начиная с "Удочки на склонах", где главный герой - "Борис" - распахнув тяжелую "броневую" дверь в сарай, находит там, среди разного хлама, "вечные с расколотым левым стеклом" - сатанинское деиство богота-Корооьева из романа "Мастер и Маргарита", и кончая повестью "Хрошая судьба" /1987/, где происходит фантастическая встреча писателя-фантаста, прототипами которого служат сами авторы, с Булгаковым.⁴

В 1975 году Стругацким, в повести "За миллиард лет до

конца света", приводят "шапку" булгаковского Роланда в СССР.

Чужая вселенная и веселая свита "оламды становится на службу "сверхцивилизации", созданной "кельдычи из недр земли" и превращается в "часть общепролетарского дела", в "колесико и винтик одного великого великого социалистического механизма".⁵ Этот "механизм", эта "сверхцивилизация" /по мысли о "спайниках" и по киносценарию "День затмения"/, эта "замкнутая система" /по "Сказке о "пролке"/ в книжном варианте повести "За миллиард лет до конца света" носит многозначительное название - "Гомеостатическое Мировоззание".⁶ Суть этого "Мировоззания", всегда сохраняющего свою структуру, состоит в "поддержании равновесия между возрастанием энтропии и развитием разума" так как слишком быстрое развитие разума нарушит равновесие и приведет к концу света.⁷

Для того, чтобы у читателя не возникли сомнения о каком "срасте" идет речь, стилистики уточняют:

"Имеется в виду, естественно, не ужас света вообще, а конец того света, который мы наблюдаем сейчас..."⁸

Ради сохранения "равновесия" эта замкнутая в себе система, вопреки стремлению к прогрессу, противится окончанию важных и талантливых работ героев повести. Очевидно, кому-то эти работы стали полнее дороги и не секрет, что в пролетарском государстве "только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных подписаний".⁹ Только развитие тех наук, которые ведут к созданию "Нового" человека и способствуют распространению "единственно верного пути развития человечества" получают право на существование /как было показано во второй части этого исследования/. Развитие наук, "отягченных" от этой рачной задачи, таких как социология, биология, теоретическая мате-

матика и логика, приводят к слишком быстрому познанию правды и нарушают "равновесие".

И вот, к этому "Гомеостатическому Мирозданию" и поступила на службу личная свита Воланда. В чем же заключается их "сущность"? Зачем этому "Мирозданию" нужны приспешники дьявола? Ведь "сверхцивилизация", как говорит один из героев повести - Вечеровский, - это "значит сверхразум, сверхчуждость, сверхчеловеческое".¹⁰

У Ивана "Звончову - астроному, в самый важный момент, юлда в его работе о "макроскопической устойчивости" наконец наступил перелом и уже получается "что-то настоящее", является, уже почему-то прогармя, булгаковский фагот-Колдьяев. Все в том же "курузном пидрачье", но уже обновленном, неопределенного цвета, "небритый и потный", без пенки, хранящийся в сейфе директора Управления.¹¹ Веселый и тихий во время своего первого посещения Москвы, фагот сейчас мрачен и бурчит что-то нечленораздельное шепотом, спитым голосом. Не совсем понимая зачем, он приносит Мадьянову чашку с бутылками спиртного, причем не заказанной, но кем-то уже "уплощенной". Эта первая попытка дьявола отвлечь Мадьянова от работы не удачна, так как непьющему ученому и за год не выпить этих десяти бутылочек.

Потерпев поражение с алкоголем, Мироздание подсылает Мадьянову "ледицу" Пилочку, зная, что его жена с ребенком отлучились в Одессу. Если эта "ледица" - известная как ведьма Редда, то она явно потеряла класс.¹² Она растеряна и все время с изумлением поглядывает на Мадьянова, как будто сомневаясь туда ли она попала. Соблазнить ученого, несмотря

на все ухищрения, он не удерживает и она таинственным образом исчезает.

"Лидочка" - Белла изменилась и внешне. Одежда она по последней моде "Белый минн-сападан, очень загорелая, с непроверенными еще солнцем золотистыми волосами".¹³ Лидочка явно прет, утверждает, что интересуется Зомби-таном и импрессионистами, а Чадников сосредоточиться на Лидочке мешают мысли о пухлой обложке жены, о браке. Да и как же могут быть помехи между интеллигентными людьми?

Старые испытанные способы "вино и прелестные женщины", так называемые "спрабатывания" в Москве 30-х годов, в период предвечного преобразования свиты Воланды в Советском Союзе, не "срабатывали", не смогли отвлечь похотливого, интеллигентного и наивного Диму от работы. Поция это, Мипоздание, любой ценой стремящееся сохранить свою структуру, прилагает к более сложному методу запугивания - к помощи следователя из Уголовного розыска, роль которого, опять же не совсем улачно, играет Абалонна.

Как и остальные герои Гулгаурова, Абалонна очень изменился, сохранив только "отличные темные очки", по которым мы его и узнаем.¹⁴ Орудия метода советского допроса, то есть принцип "неизвестных нет", Абалонна - следователь /или, как называет его Чадников, - "тонтон-маку"¹⁵/ обвиняет Магенова в убийстве соседа. Однако, он тоже ведет себя очень странно - говорит очень вкрадчивым тоном, вздрагивает от телефонных звонков и даже, как иуды, чувствует облегчение, узнав, что у Личи есть алиби. Захватив по дороге бутылку с коньяком, Абалонна таинственным образом исчезает.

Сущая свита Воланда вступает не только перед Фимой Малеянович. Того же испытания пришлось пережить и его другу - Ваалгартену. Перед ним, стоящим на пороге великого открытия в биологии /"пахнет Нобелевкой"/, появляется "маленький огненно-рыжий человек в удлинно-черном костюме".¹⁶ Если предыдущих членов "майки" мы узнаем только по легким намекам, как тот фата - по "двуглазью" риджачку, Абaddonу - по "огромным мимическим прыжкам" и по "скользкому блонному афганскому "невида"; то "огненно-рыжего в черном трико" Азаза мы узнаем по "букам". Победив поручение аластер - немедленно прийти к нему и принять пост Директора новейшего супермодерного биологического центра в Добролюбова, выхватив право из-под носа /Кюкс, наподняли фокусом в "карете" толстого царя, выхватил великодушный "мужик", в качестве залога, Азазадо уже асчизает.

Отчего же так стеснено вступ себе Корольев, Абaddon, Гедда? Ведь, будучи на службе у Воланда, они с большим удовольствием накармливали москвичей.

Вспомним, что Воланд никогда не вмешивался в дела другого ведомства. "Каждое ведомство должно заниматься своими делами" - говорит он, когда Маргарита просит посетить Фанду.¹⁸ Воланд и его подчиненные работают в подвластной им сфере земного зла и наказывают лишь тех, кто им подсулен согласно давней традиции. Они наказывают только доносчиков, взяточников, воров и мошенников. "Олее того, единственный человек, которого "бывает" Воланд - это барон Майгель - "невинный и респич", но даже в этом случае он оправдывается тем, что барон еще раньше умрет "не далее, чем через месяц".¹⁹

И вот, свита князя темч, перебрал на службу к советскому государству, и "сверхцивилизации созданной нелегальными, совершенно пастернака. Их посылает наказывать Чаякова - "бес-серебряника", никому не принадлежащего зла и явно не относящегося к их "аэлометру".²⁰

Всплыв на короткий срок свиту Роланда в Советский Союз 70-х годов, Стругацкие использовали прием Булгакова, который, в рассказе "Похождения Чичикова", вернулся в Россию 70-х годов гоголевских героев, которые быстро освоились в новом мире, чем нельзя сказать о героях Булгакова, не понимавших нового, не традиционного понятия зла, продиктованного им советским Мирозданием.²¹

В кинематографии "Пять затмений" это Поместостатическое Мироздание - сверхцивилизация сопоставляется со стихией, с заклинами п. юльи:

"Сверхцивилизация, это сила настолько огромная, что ее вполне можно считать стихией, а все ее проявления - это как бы проявления нового закона природы."²²

И, подтверждая это сравнение, Стругацкие охватывают действие повести "Белым ивильским злом".²³ Злом, от которого все герои, включая и бычью свиту Роланда, потеет, который мучает всех и мешает работать, который упоминается в каждой главе повести "за миллиард лет до конца света". В момент кульминации повести, злое переходит в страшную грозу и к концу - опять возобладает. Это всегда и везде присутствующий злой и является символом советской "сверхцивилизации" от которой надо спрятаться; символом Поместостатического Мироздания, стремящегося сохранить свою структуру, свои законы.

Вспомним, что у "Упгракова" в "Мастаде и Чаргабите, где действие охружено жарой майской, осенней, Невуа не притвожен к столбу, а только поничязан плавками. Он умирает от солнца и жжжж, узжжж светом и жаром, олицетворяющих онискии власть. Пипат, находившися в состоянии кончалкита с пикскии властем, страдает от зноя и имеет танк.

В киносценарии, где такой персонаж как Чаргабитен отсутствует, Аззелло приходит к Малянову и жестко, без околичностая заявляет Пиче:

"Ваша работа нам мешает. Следовательно, она вредна. Следовательно, ее надлежит прекратить. Следовательно, она и будет прекращена. Настоятельно советуем вам проявить благоразумие, Пмитий Алексеевич!"²⁴

Неправдоподобность, иррациональность происходящего возбуждает в Малянове "животный страх", а Аззелло, на безмолвный вопрос Малянова, кто это "мы", представляется генералом какого-то таинственного ордена или жрецом Союза Десяти.

Этот союз, говорит рыжий дьявол, был учрежден в незапамятные времена легендарным индийским царем Амокоом и существует до сих пор:

"Чудесно, таяно, авторитетно... Десять почти бессмертных старцев пристально следят за развитием науки на Земле, следят, чтобы слепая жажда познания не привела людей к преждевременной кончине человечества."²⁵

Когда же Малянов с недоверием и "усмешкой" выслушивает этот новья вариант "Легенды о Великом Инквизиторе" и собирается "вызвать милицию", дьявол, вскинува на него веселые, с усмешкииной глаза, "признается", что он "пришел с другой планет". На реакцию несколько смущенного Малянова, утверждающего, что все это "чушь ч вздоо", вы-

ния дьявол отвечает:

"Не такая уж и чужь, голубчик! Че такой уж и вздор! Пришелец с другой планеты, представитель сверхмощной внеземной цивилизации - это такая же информационная реальность двадцатого века, как Мефистофель пятнадцатого или каких-нибудь тугч-личители девятнадцатого. Не отмахивайтесь с пренебрежением! Подумайте! Ведь вам легче станет, проще, понятнее..."²⁶

Назавно, говорит "п-жид", кто это - "мы", этот вопрос даже "обсуждать" не следует:

"Важно, что мы - сила, непреодолима сила... Преодолеть нас вы не сможете, вот что важно. Вы либо подчинитесь, либо погибнете - вот и весь ваш выбор."²⁷

Легче и проще поверить в "пришельца", в Странников, в "джини", чем понять эту иррациональную, но плоскую действительность.

"От влиянием всех этих фантастических событий, за которыми стоит страшная дьявольская сила, Челюновым постепенно овладевает "Черный страх". Страх, в свое время овладевший Частером и убивший в нем творца.

Боишься не только Малюков, боишься Райнгартен, боишься востоковед Глухов, у которого недавно появилась странная болезнь. Как только он садился писать свою работу "Культурное влияние США на Японию", материал для которой он собирал чуть ли не десять лет, "как у него начинала зверски болеть голова, до рвоты, до обмороков".²⁸ Та самая головная боль от которой страдал Пилат из-за страха перед римской властью.

Боишься Губарь - инженер по электронике, - которого вдруг одолевает "властьные женщины", из-за которых он не может работать над нормным изобретением.

Всем этим напуганным ученым, противопоставлен спокойный и уверенный в себе математик Вечеповский. Всегда подтянутый, энергичный и не страдающий от "жары" он противопоставлен льстивой системе. Находясь под таким же давлением, как и другие персонажи, он предлагает ученым соединить силы и вместе бороться против общего врага. Но ученые не хотят бороться, они не доверяют друг другу, боятся друг друга. И каждый остается сам по себе, один на один со своей совестью, со своей судьбой.

Первым, не выдержав давления, сдаётся Глухов. Этот внало дается ему нелегко и автор не осуждает Глухова - "он вне сферы анализа, он в сфере милосердия".²⁹ Гесперские капитуляции превратили Глухова из энергичного, колючего и ясного человека в маленького жалкого человечка, стыдящегося себя самого.

Славяется в свою очередь Тубард, ребенок обличает в трусости. В трусости, которую Нишуа считал одним из главных пороков человека.

Сдается подкупленный Райнгартен. По его шкале ценностей на первом месте он сам, его личность.

"Остальное пусть катится все к чертовой матери."³⁰

Глухов и Райнгартен обвиняют двадцатый век в своей слабости. Учил, говорят они, двадцатый век в человеке такие понятия как гордость, честь и стремление к научному любопытству - стремление к знанию!

"Двадцатый век - это расчет и никаких эмоций... В прошлом веке стралялись потому, что стыдились перед собой ... в наше время почему-то считается, что сам с собой человек всегда договорится. Может быть, теперь, кроме совести, гордости, чести, существует еще

множество других вещей, которые готовяся для самоуверждения?"³¹

Тима Маченюк, не смотря на нестерпимую тоску и страх продолжает работать. Тима понимает, что пока он соблюдал законы, моральные нормы сверхцивилизации, что уже вошло в привычку, его от всех людских опасностей надежно охраняли милиция, полиция, профсоюз, общественное мнение, друзья и семья. Но что-то сместилось в окружающем мире и он превратился в "одинокого псакаря":

"... меня отделили от человечества, как отделили овцу от стада, и водюки куда-то, неизвестно куда, неизвестно зачем, а стало, не подозревая об этом, спокойно идти своим путем и уходит все дальше и дальше..."³²

Маченюк не спадает даже тогда, когда сверхцивилизация опять показывает свои чужацкие черты: то ли с Досгуд, то "и, чтобы доказать свою "божественность", свою неоправданную силу и власть, а может быть и в попытках разбогачиться путем Хоррезова, — со странной силой "выпрыгает" с корнями лавочку во дворе.

"Маченюк укачивается только тогда, когда Мухомораме прибегает к последнему средству — к шантажу. Галилей мог выбирать либо свою жизнь, либо идею. У Маченюка тоже есть выбор: ребенок или идея. Сверхцивилизация прибегает к шантажу, к которому даже дьявол не прибегал. Вспомним восточку Маргариты, ставшей с двух редьки, с мальчишкой голод героини, только что глумливой ухватив критику Лагунского, вдруг становится трагической нежностью и она, забыв о мести, улетает.

Если бы в первом варианте повести сверхцивилизация угрожает жизни сына Маченюка, то в качестве наказания гибель угрожает

совсемленно незнакомому мальчику лет семи.

Рядом в кресло, вселившись в рабочее кресло Малынова, мальчик пробормotal осудительно:

"Это истинно ивещь. "Ладноиюию!... Вот ты гармонично ивещь, а пощмилась ли ты, что вот сна твоего не тронут, это, видела ли, размерит почем, залощанннн, видите ли... "Тогда самого, кто ее всего, тоже не станут уничтожать, хотя это вопрос более сложный" .. А вот со мной церемониться не будут!"³³

Но вотит Малынов мальчик, не может сверхцивилизация - эта "сверхцивилизация", это "сверхдобро", - пойти на такой "демонный прием" как ивещтаж. Мальчика просто "залукали". Виде иловарио Малынова, мальчик откидывает "евского и, ставя правильно смысловые ударения, и читает:

"Сдачи мне сам пояс, я зору тебя" : представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное розляныце, вот того самого ребеночка и на его спешках основать это здание, согласился ли бы ты "мне архитектором на этих условиях..." А? Согласился бы?"³⁴

Малынов, как и Алеча Карамазов, не согласен на таких условиях "возводить здание судьбы человеческой":

"Я ничего не боюсь! Но на совесть свое грех нарисит: не позволю!"³⁵

Положив свою работу в "Белый" папку и вычаркнув свое имя, он отходит же Речеволвком, так как не хочет он стать "модальным халекой", отказавшись, как того требует "сверхцивилизация", от собственной совести.

Как мы видим, сверхцивилизация опять пользуется приемы, уже раз испытанными в "Малыше" - вичает к совести,

к гуманности человека. Сверхцивилизация такой "слабостью" не обладает. Вспомним заключенных на Сауле, убийство Абалкина, гибель экипажа "Педисима", уничтожение цивилизации "Надежды" - все повествования современнике "сверхцивилизация" под прикритием "Мифа о Страшниках", во имя создания Нового человека и распространения единственно верного пути развития человечества. В этом и заключается "сверхдобро" и "сверхгуманность", которых так боялся герой Стругацких и сами Стругацкие.

Малыков откровенно признается в своей "слабости", говоря, что:

"В конце концов, существует такая дилемма, которых никакому человеку не выдержать..."³⁶

Вечеровский, единственный из ученых, продолжает в одиночку бороться с дьяволом. В квартире у него все искажено, исключая, "будто опалено адским огнем".³⁷ Сажа, копоть и нечисть видны на его лице и на стенах. "Ровы и ресницы опалены, а квартира выглядит, как после обмыва. Но Вечеровский верит в то, что "они промакнуты". "Они слишком огромны, они все время промахиваются".³⁸ Он не намерен капитулировать:

"Боевать против законов природы - глупо. Капитулировать перед законом природы - стыдно. В конечном счете - тоже глупо. Законы природы надо изучать, а изучив, использовать. Именно этим я и намерен заняться."³⁹

Поняв явдо следов борьбы и мужества Вечеровского, которого "лупят уже вторую неделю", Малынов охватывает чувства стыда, ужаса, отчаяния и бессилия. Он понимает, что теперь между ним и Вечеровским навсегда пролегла "дьяволо-огненная непреодолимая черта", в которой он остановился, а Вечеровский по-

шел даламчи:

"... и теперь он ползет сквозь разрывы, пыль и грязь
неведомых мне колов, а я останусь по его сторону черты
- потянуть черк, или пиячку, или волочку, и тоскливо
и скучно копоть нач чем-то там плановым."⁴⁰

Сказали ему, что дорога, выдуманная Вечеровским, приведет
и океану смерти, и он с полуплечи повернул обратно.

"С тех пор все кажется передо мной кривые глухие
окольные тропы."⁴¹

"Так кончается второй вариант повести "За миллиард лет
до конца света", эта пессимистическая притча о дьявольской
сверхцивилизации и о безнадежной борьбе с ней "человечества".

"Жизнь такой персонаж, как Вечеровский, который в одиночку
хочет бороться с этой "дьявольской" системой, не вселяет
бодрых надежд. Об этом пишет Эдуард Кузнецов в своих
"наблюдках":

"Сорства мужественно мыслящих оппозиционеров - явление
столь же характерное для России, сколь и чудное ее
национальное козням, - пугают не глеает и не делает
очевидно."⁴²

В киносценарии "День затмения" Стругацкие добавляют
небольшой эпизод, где показано, что "дьявольская" власть,
это не фантастика, а реальность.

На московском экране, недалеко от кухни Вечеровского, ле-
жит маленький мальчик, качающийся "давно и безнадежно мерт-
вым". Однако, через некоторое время мальчик вдруг поверне-
дится, ползает и задвигает на одной ноге. По времени это
произошло тогда, когда капитулировал Маяковский. Следовательно,
угрозы были не пустую, сверхцивилизация не "запутывала"
Маяковского. Если бы Маяковский не спаялся, говорят Стругацкие,
мальчик так и остался бы "безнадежно мертвым".

3.2 Символика "сверхцивилизации Странников"

Анализируя положение ученых Вечерковский, и вместе с ним братья Стругацкие, видят население Советского Союза на "человечество" и "сверхцивилизацию". "Сверхцивилизация" - символизирует явный класс власть имущих, "номенклатуру", по терминологии Восленского, или просто "их" /когда в народе говорят "о них", это "они" никогда не комментируется, так как правящий триумvirат - Партия, КГБ и армия - воспринимается как одно целое/. Об этом и говорит "днйя чет" Меланову, не советуя ему "обсуждать" кто это - "мы". И в киносценарии "День затмения" Стругацкие пытаются объяснить читателю причину создания "сверхцивилизация" "Мифа о Странниках" или, иными словами, зачем нужны советской номенклатуре "джаминь". "Джаминь", говорят Стругацкие, это еще одно "сверхдоброе", которого так боятся герои повести "Волны гасят ветер", созданные советской "сверхцивилизацией" во имя и для народа - "человечества".

"Человечеству", с иронией говорят Стругацкие, значительно проще пояснить, что "социальные бедствия" и убийства происходят по вине "пришельцев", чем понять "осредительные войны" в Чехословакии и в Афганистане, создание многомиллионного ГУЛАГа, непоследовательность и двойственность советской идеологии. Эту "веру" советского народа в "волю партии" - в дозвнг, в "джаминь", котопям маскируется партократия для сохранения власти, - Стругацкие сравнивают с джехристианством Великого Инквизитора и с буддизмом царя Ашоки, на примере сравнения жизни героев своих произведений в Странников с верой пятнадцатого века в Мефистофеля.

Струганские не случайно упоминают "летящего в ч. Ашоку" во всех трех вариантах повести "За миллиард лет до конца света". Роли А. Ризансона, в книге "Русское прошлое и советское настоящее", в поисках модели советской идеологии находит ее в гностицизме и его продолжении - манихействе, то Струганские, в поисках той же модели, вероятно, находят ее в учении индийского царя Ашоки /265 - 238 до н. э./.

Ашока, благодаря которому буддизм был распространен далеко за пределы Индии, создал свою "дарму" /dharma/ - "принципы правильной жизни" и, приказав выгравировать ее на каменных столбах, распространил ее по всей Индии и за ее границами. Возможно, что эти "Rock Edicts" царя Ашоки и напоминают Струганским советские лозунги, а последователи Ашоки еретиков - преследование советской "сверхцивилизацией" инакомыслящих. Еще много общего можно было бы найти между распространителем буддизма и распространителем марксизма-ленинизма /к примеру, прототипом советских "Институтов марксизма-ленинизма" могут служить курсы, созданные Ашокой для изучения "принципов правильной жизни"/.

Существует, однако, существенное отличие между фанатизмом Ашоки и "фанатизмом" партocrats: Ашока, как утверждают историки, действительно верил в правильность своих идей и сам их придерживался, в отличие от живности и двуличия советского бюрократического аппарата.⁴³ Возможно, что знав об этом отличии, Малянов по-этому и не поверил тому, что "моя дьявол" послан Ашокой /ведь в фантастике все возможно и поверившие в Струганников, в пришельцев, могли поверить и в Ашоку/.

Сравнение и иррациональной убежденности с религиозной верой — идея не новая.⁴⁴ И, зная веру Толстого, Стругацкие знают, что сойдя за закон социалистического государства и став соучастниками дурничия советской доктрины, им было бы значительно легче жить /ведь еще Грибоедов говорил в "Повесть от ума": "Блажен кто верует, тепло ему на свете"/. Однако, Стругацким, как и многим иным, надоело лгать себе и другим. И, продолжая вытаскивать "человечество" за шиворот и поворачивая лицом назад, чтобы показать, что "полная грязь — это попойка, гнусь, мерзость, ложь", братья, на примере созданного героями их произведений "Мифа о Странниках", показывают механизм образования советских "демократов".⁴⁵ В этом и заключается еще одна "весьма" Стругацких по отношению к советской идеологии, тщательно замаскированная под видом загадочной "сверхцивилизации Странников".

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3 - "ПРОЛОГИДА" БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

- ¹ В. Бромов, "Орнитный ангел", стр. 100.
- ² Первый вариант повести "24 миллиарда лет до конца света" впервые появился, в сокращенном виде, в журнале "Знания - сила" /№ 9 - 12, 1976 и №1, 1977/. На Западе этот вариант существует в отдельном переплете. Второй вариант повести появился в сборнике, содержащем три повести Стругацких, в 1984 году. Тексты этих двух вариантов сильно отличаются друг от друга. В 1988 году на Западе в издательстве "Алдис-Лабел" появился третий вариант повести в виде книжечки под названием "День затмения". Выдержки в этой работе даны по второму и третьему вариантам повести.
- ³ А. Стругацкий, "Человек должен всегда оставаться человеком", стр. 118.
- ⁴ "Звезд Фантастическая встреча ассоциируется с песней П. Окуджавы "Выше ночью восходит", где поэт встречается с А. Букинчи.
- ⁵ В. И. Ленин, "Партийная организация и партийная литература", Сочинения, т. 10, Москва, /Дано по предисловию Е. Филиппова к книге А. Свияжского "Фантастический мир Абрама Тварца", стр. 7/.
- ⁶ В журнальном варианте термин "гомеостатическая" или даже просто "гомеостаз" не упоминается, хотя в этом термине заключен весь смысл прозаического. "Гомеостатическая система" - термин, перенесенный в научную фантастику из кибернетики. Это система, которая поддерживает себе в состоянии равновесия. В кибернетику этот термин пошел из физиологии, так как человеческий организм содержит в себе много таких саморегулирующихся систем.
- ⁷ А. и В. Стругацкие, "24 миллиарда лет до конца света", стр. 92.

- ⁸там же, стр. 92 - 93.
- ⁹Сидячков-Меллин, из рабочего дневника Сорокина, "Хроника судьбы", стр. 7.
- ¹⁰А. и Б. Стругацкие, "День затмения", стр. 96.
- ¹¹М. Булгаков, "Мастер и Маргарита", стр. 12. А. и Б. Стругацкие, "За миллион лет до конца света", стр. 8.
- ¹²А. и Б. Стругацкие, "За миллион лет до конца света", стр. 46. М. Булгаков, "Мастер и Маргарита", стр. 257, 144. /"Сложным различ отличалась безукоризненны"/
- ¹³А. и Б. Стругацкие, "За миллион лет до конца света", стр. 13.
- ¹⁴А. и Б. Стругацкие, "За миллион лет до конца света", стр. 23. М. Булгаков, "Мастер и Маргарита", стр. 329.
- ¹⁵В журнальном варианте такое определение Чаляковым следователя как "тонтон-макут" отсутствует. Советскую цензуру не устраивало сравнение советского следователя с "красной полицией, ответственной за уничтожение противников диктаторского режима Франсуа Левадьера /Папи Тока/, правившего на Гаити в течении 14 лет, с 1957 до 1971 года.
- ¹⁶А. и Б. Стругацкие, "За миллион лет до конца света", стр. 45, 50.
- ¹⁷М. Булгаков, "Мастер и Маргарита", стр. 107.
- ¹⁸там же, стр. 359.
- ¹⁹там же, стр. 347.
- ²⁰А. и Б. Стругацкие, "За миллион лет до конца ..." стр. 59.
- ²¹Рассказ М. Булгакова "Рождение Чичикова" был включен в сборник рассказов "Пьявольная" издательством "Цадра"

в Москве 1975 года. С тех пор в Советском Союзе не переиздавался.

- 22 А. и В. Стругацкие, "День затмения", стр. 114.
- 23 "За миллиард лет до конца света", стр. 5.
- 24 "День затмения", стр. 63.
- 25 Там же, стр. 64. Здесь Стругацкие проводят двойную параллель между советской идеологией и религиями: 1) - энергичный покровитель воинствующего буддизма и последний из великих императоров Индии - Ашока /238 год до н. э./ сопоставляется с Великим Книжником; 2) - советская идеология сопоставляется с этими фанатиками буддизма и христианства, тем самым сводившаяся с религией. Интересно, что император Ашока высказал "принципы правильной жизни" - "дарму" на камнях, которые выставлялись по всей Индии и фанатично отличал буддизм и "дарму" от внутреннего раскола и ереси. Здесь Стругацкие и наконец, вероятно, первоисточник советских лозунгов и первые примеры борьбы против "инакомыслия".
- 26 Там же, стр. 69.
- 27 Там же, стр. 68. Здесь возможна ассоциация, вызванная местным именем "мш", с Великим Государством Замятина.
- 28 А. и В. Стругацкие, "За миллиард лет до конца света", стр. 60.
- 29 Там же, стр. 74, "Мастер и Маргарита", стр. 453.
- 30 "За миллиард лет до конца света", стр. 95.
- 31 Там же, стр. 95, 107. "День затмения", стр. 107.
- 32 "За миллиард лет до конца света", стр. 74.
- 33 "День затмения", стр. 75 - 76. Ф. Постолевский, "Гретьяк "Аппалачов", стр. 260.

- 34 "день затмения", стр. 79, 80.
- 35 "там же", стр. 116.
- 36 "од миллиард лет до конца света", стр. 74.
- 37 "день затмения", стр. 111.
- 38 "там же", стр. 115.
- 39 "там же", стр. 114.
- 40 "од миллиард лет до конца света", стр. 110.
- 41 "там же", стр. 114.
- 42 Цитата из "Земликов" В. Кузнецова дана по П. Свирослому "на добном месте", стр. 579.
- 43 Об этом говорит в своей статье Amulya Chandra Sen, "Asoka", под редакцией которого в 1956 году вышла книга "Asoka's Edicts", напечатанная в "Британской Энциклопедии".
- 44 О различиях между идеологической убежденностью и религиозной верой А. Безансон, к примеру, говорит, что "Безоговорочное принятие, характерное для религиозной веры... игнорирует из знания всех "за" и "против", из осознания всего риска и ответственности, которые принимает на себя человек, делаяши определенный выбор... В противоположность этому, в ленинском принятии марксизма безоговорочное согласие связано очевидностью доказательства. Свободная воля здесь совершенно не играет никакой роли... идеология отрицает свободу воли." /"Русское прошлое и советское настоящее" стр. 235, 236./
- 45 А. и Е. Стругацкие, "Обитаемая остров", стр. 210.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Герои "трилогии Максима Краммера" Стругацких - Краммер, Горбовский, Комоз и многие другие персонажи, - знают, кто скрывается за именем "Мифа о Странниках". Герои повести "За миллиард лет до конца света" - Малинов, Вечеровский, Глухов и Райнгарден, - догадываются кто они - эта "сверхцивилизация Странников". Знают это и Стругацкие, испытав на себе давление "сверхцивилизации", "которое никакому человеку не выдержать". Сумел ли советский читатель "подтекст на два метра под текстом" угадать? Трудно сказать.

Советские критики продолжают говорить о "загадочной сверхцивилизации Странников" последующих непонятные, скорее всего недобрые цели".¹ Отношение советского читателя к "сверхцивилизации Странников" не отличается от мнения критиков. Об это можно судить по "суду над Сикорским" /прав ли был Сикорский убив Абалкина/, который был устроен членами клуба "Научной фантастики" во Владивостоке.² "Народный суд" оправдал Сикорского, тем самым определив свое отношение к Странникам, как к действительным /или фантастическим/ галактическим пришельцам, угрожающим Земле.

Несколько разнообразнее интерпретация символики Странников на Западе. Наряду с интерпретацией Странников Л. Геллером в монографии "Вселенная за пределом догмы", мало чем отличающаяся от интерпретации сверхцивилизации Странников советскими критиками, как "любви жителей галактики, загадочных и всемогущих, цели и смысл деятельности которых ускользают от понимания людей", существует и другая интер-

претация.³ Майя Каганская утверждает, в статье "Роковые яды", что Странники - это еврейский бог. В основном же критики явно поенебрегают произведениям четвертой фазы Стругацких, считая их отступлением к манере письма их первой фазы. Однако, как им убедились, это не совсем верно.

Несомненно, отношение Стругацких к "сверхцивилизации" изменилось. Если в произведениях второй фазы Стругацкие еще не понимают "как злобные шестнадцатилетние мальчишки дали себя раздеть и покорно замерзли", а в произведениях третьей фазы Стругацкие предупреждают о гибели мира, которая наступит если "человечество" не научится "думать", то в четвертой фазе творчества, где мир уже разгнущен "не людьми - Странниками", Стругацкие, испытав на себе это "чужд-инное давление сверхцивилизации" Странников, отказываются от открытой борьбы и уходят в "литературное подполье", избрав для себя "кривые глухие окольные тропы". Но в 1987 году выходит их последняя повесть - "Хромая судьба", - которой, несомненно, отключается новая фаза творчества Стругацких.

Повесть "Хромая судьба" состоит из пяти глав, из которых в первых четырех главах Стругацкие дают свою интерпретацию "гибели мира", о которой они предупреждали в произведениях третьей фазы и которая, по их мнению, наступила в середине 70-х годов.

Посредством анализа фрагментальной аллюзии к известному стихотворению Ф. Сологуба "Звезда Малин", рассмотрим какой же представляется Стругацким сегодняшняя Россия, созданная сверхцивилизацией "на людей из недр земли".

Известно, что для Сологуба мир был полон страшных видений, а природа - "немая угрозами". В этом сумраке Сологуб грезит о далекой, невыполненной и неоплотимой голубой стране, Бега в существовании которой ярко выразилась в цикле стихотворений "Звезда Мано". "На ояле далекой и прекрасной / Вся плещь и вся душа моя." На Ояле поэт видит "лечный мир блаженства и покоя, / Лечный мир свершившейся мечты."⁴

Стругацкие, в "Хроной судьбе", обращаются к грезам Сологуба - к прекрасной стране Ояле, - назвав эту голубую мечту "оялом союзным". Во что же превратился "таинственный мир" Сологуба? Осталось ли место для грез и мечтаний о "лече блаженства и покоя" в макромире Стругацких?

"Ояло союзное" - это конфета, которая представляет собой "однородную белую массу, состоящую из двух или нескольких слоев прямоугольной формы, украшенную черносливом, изюмом и цуккатами".⁵ Более того, эту саркастическую кличку "Ояло Союзное" получает литератор Петенька Скопобогатов - врун, хвастун со "свинячьими глазками", воплотитель в практику самых невозможных фантазий.

Уже в описании этой математически правильной конфетной массы возможен ссылки на известные "дважды два - четыре" "Записок из подполья" Достоевского и на математически точно вычисленный мир замкнутской антиутопии "Мы". "Масса" же - это не только "тестообразное бесформенное вещество", но и "широкая трудящаяся когорта населения, народ".⁶ Образ Петеньки Скопобогатова - "Ояла Союзного" со "свинячьими глазками", врун, хвастун и бездельник, занимающего привилегированное положение в обществе, частенько ассоциируется с

"сатирической шуткой" Орвелла "Скотский хутор", что notable среди орвелловских персонажей найти прототип Пятеньки.⁷

При такой интерпретации смысл этой фрагментарной аллегорической пародии на "Речный мир средневековой мечты" Солугуба представляется таковым: солугубовская мечта о прекрасной стране (яла превратилась в "ошло союзное" Стругацких, а "скотский хутор" советской, подслаженный черносливом, изюмом и пшеницами, уравниловки, где народ представляет собой "белую /прет капитуляции/ однородную массу").

Братья Стругацкие, выступая как обличители советских "лжечиков", создали свой "Миф о Странниках", где Странники, посланцы "сверхцивилизации неждиды", распространяют "сведлобоо и сверхчужманность" - идеи "единственно верного пути человечества", - вообразив себя "богами" и "великими Инквизиторами". Их создание - это "скотский хутор" - "ошло союзное".

О творческой судьбе братьев Стругацких почти ничего не известно. Но, если судить по последней главе повести "Хромая судьба", где автор объявляет о своем намерении не писать больше "песни" и по утверждению Марка Поповского, что поток рукописей "по каналам Самиздата" на Запад не оскудел, что свидетельствует о том, говорит М. Поповский, что "несмотря на "гласность" гоубачевские чиновники пока не готовы дать свободу самовыражения каждому, кто в ней нуждается", можно предположить, что мы скоро увидим новые произведения братьев Стругацких.⁸

В автобиографической повести "Хрошая судьба" Стоу-гацкие пишут о новой законченной повести в "Синей папке". Эпиграфом к этой повести служат слова, символика которых переключается с символикой "сверхцивилизации Странников":

"...Знаю дела твои и труд твой, и терпенье твое и то, что ты не можешь сносить развратных, и игнорал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и никак, что они лжецы..."⁹

И наклеена на титульный лист фотопечать: "под нависшими ночными тучами замерший от ужаса город на холме, а вокруг города и вокруг холма обвился исполинский спящий змей с мокро отсвечивающей гладкой кожей."¹⁰

ПРИМЕРЫ К "ЗАКЛУЧЕНИЮ"

- ¹Брадис, Е. Предисловие к сборнику "Алая камень Эрдени".
стр. 4
- ²Об этом случае рассказал А. Стругацкий в статье "Человек
должен всегда оставаться человеком", стр. 116.
- ³Л. Геллер, "Вселенная за пределом логики", стр. 264.
- ⁴Ф. Сологук, "Сочинения", том 9, стр. 41.
- ⁵А. и В. Стругацкие, "Хромая судьба", стр. 9, 29.
- ⁶С. И. Олдор, "Словарь русского языка".
- ⁷Лж. Орвелл в письме к Г. Стюарту /1944 год/ назвал "Скотский
хитов" "сатирической итучкой". Письмо это печатается как
приложение к сказке "Скотский хитов", стр. 117.
- ⁸М. "Опоояский", "От публикатора" к статье Ю. Перяон.
паруса в сером тумане", стр. 143.
- ⁹А. и В. Стругацкие, "Хромая судьба", стр. 10.
- ¹⁰там же.

BIBLIOGRAPHY

PRIMARY LITERATURE

Section 1

THE WORKS OF THE STRIGATSKII BROTHERS, PUBLISHED
BOTH IN THE USSR AND IN THE WEST

- Волны гасят ветер, Кешег, Хайфа, 1986.
- Второе шестистие марсиан, Адвента, Нью-Йорк, 1983.
- Где-то между Палм-Бич 1972.
Второе шестистие марсиан
- «Далекая радуга», Новая сигнальная, Знание, Москва, 1963, стр. 50-156.
- День затмения, Менелик, Адис-Абеба, 1988.
- Жизнь в муравейнике, Ностальгия, Фиджи (год издания не известен).
- За миллиард лет до конца света, Советский писатель, Москва, 1985.
- За миллиард лет до конца света, (журнальный вариант), Орфей,
(год издания не известен).
- Лес, Ardis, Ann Arbor, 1981.
- Мальчи, Детская литература, Ленинград, 1975.
- Обитаемый остров, Детская литература, Ленинград, 1971.
- «Птички на обочине», Незнаменитые встречи, Молодая гвардия, Москва,
1980, стр. 63-210.
- Подлень. XXII век. Возвращения, Детская литература, Ленинград, 1975.
- Понедельник начинается в субботу, Молодая гвардия, Москва, 1966.
- «Попытка к бегству», Фантастика 62, Молодая гвардия, Москва, 1962,
стр. 146-261.
- Пришельцы из преисподней, Адвента, Нью-Йорк, 1984.
- Путь на Альматю, Молодая гвардия, Москва, 1960.
- «Сказка о Тройке», Грани, № 34, Ф/М, 1970, стр. 38-165.
- «Спонтанный рефлекс», Знание — сила, № 8, 1958, стр. 23-25.
- Стажеры, Орфей, (год издания не известен).

Страна багровых туч, Детгиз, Москва, 1959.

Трудно быть богом, Молодая гвардия, Москва, 1966.

Улитка на склоне, Посев, Ф/М, 1972.

Жизнь вши века, Азернешр, Баку, 1981.

Хромая судьба, Ставрополь — БААМ, 1987.

OTHER PRIMARY LITERATURE

- Бабель, И., «Кольвицка», Забитый Бабель, Ардис, Мичиган, 1978, стр. 278-283.
- Бажов, В., Когда погасло солнце, Молодая гвардия, Москва, 1970.
- Беляев, А., Избранные научно-фантастические произведения, Молодая гвардия, Москва, 1966.
- Богданов, А., Красная звезда, Инженер Менни, Helmut Buske Verlag, Hamburg, 1978.
- Бродский, Я., «Идут по земле пилигримы», Семиздат, 1965.
- Брюсов, В., «Огненный Ангел», Избранная проза, Правда, Москва, 1986, стр. 21-294.
- Булгаков, М., Мастер и Маргарита, Посев, Ф/М, 1969.
- Булгаков, М., «Похождения Чичикова», Дьяволенка, Недра, Москва, 1925, стр. 143-160.
- Булгаков, М., Рокотные яйца, Флегон Пресс, Лондон, 1970.
- Булгаков, М., Собачье сердце, Флегон Пресс, Лондон, 1968.
- Булгаков, М., «Театральный роман», Новый мир, Москва, 1965, № 8, стр. 6-97.
- Волков, К., Мирс пробуждается, Советская Россия, Москва, 1961.
- Выожский, В., «Правда и ложь», Магнитофонная запись, 1983.
- Гинзбург, Е., Кругой маршрут, Посев, Ф/М, 1967.
- Гроссман, В., Все течет, Посев, Ф/М, 1970.
- Гуревич, Г., Мы — из Солнечной системы, Молодая гвардия, Москва, 1965.
- Днепров, А., «Суэца», «Край идут по острову», Удивления Максвелла, Молодая гвардия, Москва, 1962.
- Достоевский, Ф., Братья Карамазовы, Карельское книжное издательство, Петрозаводск, 1970.
- Достоевский, Ф., Затиски из подполья, Неужа, Ленинград, 1956.
- Ефремов, И., «На краю Ойкумены», Сочинения, Том 2, Молодая гвардия, Москва, 1976, стр. 105-158.

- Ефремов, И., Тамнность Андромеды. Сочинения, Том 3, Молодая гвардия, Москва, 1976.
- Ефремов, И., Час быка. Молодая гвардия, Москва, 1970.
- Замятин, Е., Мг, Германия, (Издательство не известно), 1973.
- Кузнецов, Э., Дидерихи, Les Editions, Reunis, Paris, 1973.
- Кун, Н., Легенды и мифы Древней Греции, Учпедгиз, Москва, 1954.
- Лагин, Л., Атвия Проксима, Молодая гвардия, Москва, 1956.
- Лесков, Н., «Очарованный странник», «Несмертельный Голован», Повести и рассказы, ОГИЗ, Москва, 1943, стр. 17-123, 190-227.
- Немиров, В., Последний полетанок, Советский писатель, Москва, 1959.
- Окуджава, Б., «Былое нельзя воротить», Магнитофонная запись, 1964.
- Олеша, Ю., «Зависть», Избранное, Russian Language Specialties, Pullman, Michigan, 1973, стр. 40-142.
- Оношко, А., На оранжевой планете, Днепрпетровск, 1959.
- Орвелл, Дж., Шотский хутор, Посев, Ф/М, 1971.
- Орвелл, Дж., 1984, (Издательство и год издания не известны).
- Платонов, А., Котлован, Ардис, Минчган, 1973.
- Платонов, А., «Луная бомба», Избранные произведения в 2-х томах, Том 1, Художественная литература, Москва, 1978, стр. 47-65.
- Платонов, А., Пильняк, Б., «Че-Че-О», Новый мир, № 12, 1928, стр. 250-258.
- Синявский, А., Фантастический мир / Бомба Терия, Inter-Language Literary Associates, New-York, 1967.
- Солженицын, А., Архипелаг ГУЛАГ, YMCA-Press, Paris, 1973.
- Сологуб, Ф., Сочинения, Том 9, Москва, 1914.
- Толстой, А., Аэлита, Детгиз, Москва, 1956.
- Шагинин, М., (под псевдонимом Джым Доллар) Месс Менд, Детгиз, Москва, 1956.
- Шестаков, В., (под редакцией) Русская утопическая литература, Издательство Московского университета, Москва, 1986.
- Эренбург, И., Необычайные приключения Хули Хуренито, Москва, 1928.

Эренбург, И., «Трест Д. Е.», Собрание сочинений в 9-ти томах, Том 1.
Москва, 1962.

Эренбург, И., Оттепель, Советский писатель, Москва, 1954.

Яшин, А., «Рычаги», Литературная Москва, № 2, 1956, стр. 503-513.

SECONDARY LITERATURE

Section 3

LITERARY CRITICISM, GENERAL AND ON THE STRUGATSKI
BROTHERS, PUBLISHED IN THE USSR

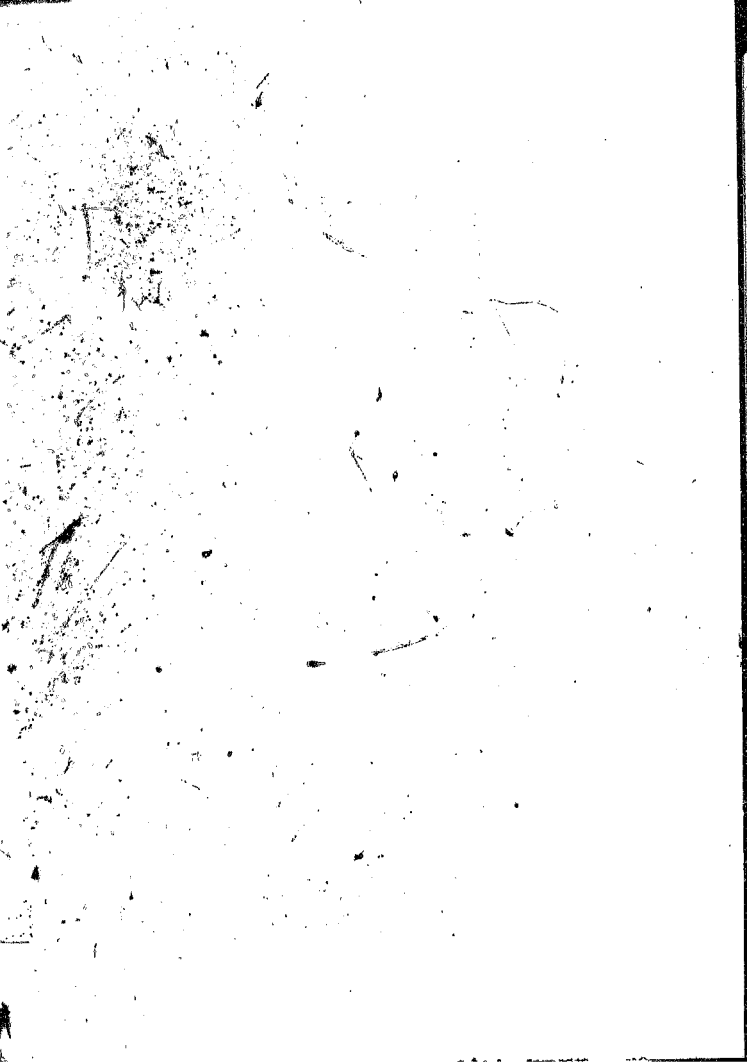
- Брандис, Е., «Предисловие» к сборнику Белый камень Эгдени. Лениздат, Ленинград, 1982.
- Бритиков, А., Русский советский научно-фантастический роман. Наука, Ленинград, 1970.
- Горький, М., «О темах», Собрание сочинений в 30 томах, Том 27, стр. 103-109, Москва, 1953.
- Гуревич, Г., Карта страны фантазий. Искусство, Москва, 1967.
- Дмитревский, В., «Право на крылатую мечту», Нева, № 7, 1958, стр. 201-208.
- Ефремов, И., «Великое Кольцо будущего», Фантастика 67-70, Молодая гвардия, Москва, 1970, стр. 256-273.
- Ефремов, И., «Мечта должна быть крылатой», Московский комсомолец, 2 апреля, 1961, Москва.
- Иванов, И., «Фантастика и действительность», Октябрь, № 1, 1950, стр. 155-164.
- Казанцев, А., «Литература крылатой мечты», Поведа, 3 июля, 1958.
- Лакшин, В., «Роман Булгакова: Мастер и Маргарита», Новый мир, № 7, Москва, 1968, стр. 284-311.
- Лебедев, А., «Реалистическая фантастика и фантастическая реальность», Новый мир, № 7, Москва, 1968, стр. 201-266.
- «Литератор, где же верблюд?», (от редактора), Литературная газета, 2 июля, 1959.
- Нудельман, Р., «Разговор в куле», Фантастика 1964, Молодая гвардия, Москва, 1964, стр. 263-268.
- Неелов, Е., Волшебные-сказочные корни научной фантастики, Издательство Ленинградского университета, Ленинград, 1986.
- Ожегов, С., Словарь русского языка, Москва, 1960.
- Померанцев, В., «Об искренности в литературе», Новый мир, № 12, Москва, 1953.

- Сатарин, В., «Будущее человечества через призму фантастики», Коммунист, № 13, 1961, стр. 120—128.
- Стругацкие, А. и Б., «Давайте думать о будущем», Литературная газета, № 6, 4 февраля, 1970.
- Strugalsky, A., «Man must always be man», Soviet Literature, No 9, Moscow, 1983, pp. 113—123.
- Стругацкий, А., Биленкин, Д., Бестужев—Лада, И., «Какие звезды светят фантастике», Литературное Обозрение, No 8, 1977, Правда, Москва, стр. 100—106.
- Федоров, Н., Философия общего дела, Том 2, Москва, 1913.

LITERARY CRITICISM, GENERAL AND ON THE STRUGATSKII BROTHERS PUBLISHED IN THE WEST

- Amis, K., *New Maps of Hell*. New York, Harcourt, Brace World, Inc., 1960.
- Asimov, I., «Introduction», in *Soviet Science-Fiction*, New York, 1971, pp. 3-12.
- Бар-Селла, Э., «Гуси-лебеди», 22, № 31, Иерусалим, 1983, стр. 165-172.
- Безансон, А., Русское прошлое и советское настоящее. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1984.
- Блох, С., Редлауэй, П., Двагиро. Унакомысле. «Предисловие», Бужовского, В., Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1981.
- Восленский, М., Нынешняя литература. Господствующий класс Советского Союза. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1984.
- Геллер, Л., Вселенная за пределами АСГМЫ. Overseas Publications Interchange, Ltd, London, 1985.
- Геллер, М., Платония в поисках счастья. YMCA-Press, Paris, 1982.
- Геллер, М., «Утопия в советской идеологии». Revue Des Etudes Slaves. Paris, 1984, pp. 105-113.
- Гессен, Е., «Новояз -- 1986», Грани, № 140, Ф/М, 1986, стр. 99-113.
- Глян, Д., «Возрождение митологии в произведениях А. и Б. Стругацких», Новый Журнал, № 98, New York, 1968, стр. 144-152.
- Griffiths, J., Three Tomorrows: American, British and Soviet Science Fiction. The Macmillan Press, London, 1980.
- Землюв, И., Советский политический язык. Overseas Publications Interchange, Ltd, London, 1985.
- Каганская, М., «Роковые яды», 22, № 43 & 44, Иерусалим, 1986, стр. 193-208, 186-200.
- Казак, В., «Формы инсказания в современной русской литературе», Одна или две русских литературы?, L'Age D'Homme, Geneva, 1978, pp. 123-135.
- Cooper, J. C., An Illustrated Encyclopedia of Traditional Symbols. Thames and Hudson, London, 1978.
- Лемкин, Л., «Три повести братьев Стругацких», Грани, Ф/М, № 130, 1986, стр. 92-119.

- Мальцев, Ю., Вольные русские литература, 1955—1975, Посев, Ф/М, 1976.
- Мочульский, К., Достоевский, YMCA-Press, Paris, 1980.
- Popovsky, M., Science in Chains, Collins and Harvill Press, London, 1980.
- Поповский, М., «От публикатора» к статье Ю. Первой «Алые паруса в сером тумане», Славяне, Ф/М, № 147, 1988, стр. 143—145.
- Randall, S., Soviet Science Fiction: New Critical Approaches, Ann Arbor, Michigan, 1986.
- Руднев, Д., «Замкнутый мир современной русской фантастики», Славяне, Ф/М, № 78 & 79, 1970, стр. 166—196, 212—234.
- Сирский, Г., На лобном месте, Overseas Publications Interchange, Ltd, London, 1979.
- Сняковский, А., «Что такое социалистический реализм?», Фантастический мир Абрама Тельца, Международное литературное сотрудничество, New York, 1967, стр. 399—446.
- Suvin, D., «Criticism of the Strugatski Brother's Work», Canadian-American Slavic Studies, Vol VI, No 2, Summer 1972, pp. 287—307.
- Suvin, D., «On the Poetics of the Science Fiction Genre», College English, 34 № 3 (Dec. 1972), pp. 372—382.
- Suvin, D., «The Literary Opus of the Strugatskii Brothers», Canadian-American Slavic Studies, Vol VIII, no 2, Fall 1974, pp. 455—463.
- Forsyth, J., Listening to the Wind, Willem A Meeuws Publisher, Oxford, 1977.
- Чеботаревская, А., (составлено), О Федоре Сологубе, Ardis, Ann Arbor, 1983.
- Schlosser, H., Wandel in der Marxistisch-Leninistischen Auffassung vom Menschen zur Entwicklung der Personlichkeitstheorie, Zweiter Teil: Entwicklung von 1972 bis 1980, Forum Academicum, Konigstein, 1981.
- Scholes, R., Structural Fabulation, Notre Dame, Univ. of Notre Dame Press, 1975.
- Штейнберг, А., Система свободы Достоевского, YMCA-Press, Paris, 1980.

Author Elkounovitch Dalia

Name of thesis The Symbolism Of The "wanderers" In The Recent Fiction Of The Brothers Strugatsky=simbolika <strannikov> V Pozdnikh Proizvedeniyakh Brat'ev Strugatskikh. 1988

PUBLISHER:

University of the Witwatersrand, Johannesburg

©2013

LEGAL NOTICES:

Copyright Notice: All materials on the University of the Witwatersrand, Johannesburg Library website are protected by South African copyright law and may not be distributed, transmitted, displayed, or otherwise published in any format, without the prior written permission of the copyright owner.

Disclaimer and Terms of Use: Provided that you maintain all copyright and other notices contained therein, you may download material (one machine readable copy and one print copy per page) for your personal and/or educational non-commercial use only.

The University of the Witwatersrand, Johannesburg, is not responsible for any errors or omissions and excludes any and all liability for any errors in or omissions from the information on the Library website.